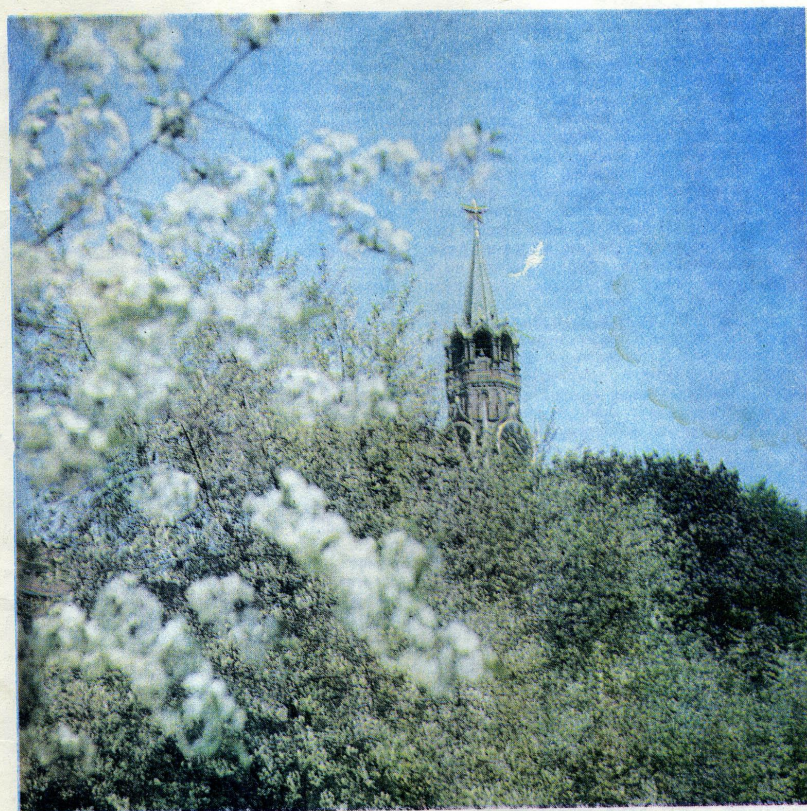




Ю Н Ы Й  
НАТУРАЛИСТ 75 5

Рис. В. Толстоногова



## ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

«Майскими, короткими ночами,  
Отгремев, закончились бои...»  
Непроходящей болью сжимают слова  
этой задумчивой песни солдатское сердце,  
будят воспоминания, уводят память в далекие  
годы. В юность, опаленную жестокой

войной, к однополчанам, живым и мертвым,  
с кем много было пройдено и много пережито.  
Мысли возвращаются туда, в май 1945 года,  
когда осталось сделать последние шаги,  
когда фашистскому зверю надо было нанести  
смертельный удар, когда

Ю Н Ы Й  
НАТУРАЛИСТ 75

Научно-популярный журнал  
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета  
Всесоюзной пионерской  
организации имени В. И. Ленина.  
Журнал основан в 1928 году.

да оплакивать павших было особенно горько.

И встают перед затуманенным взором ветерана нелегкие версты и те тяжелые, один к одному, 1418 дней Великой Отечественной войны. Может быть, увидел он заснеженные равнины Подмосковья, своих друзей, насмерть вставших на больших и малых дорогах к столице, или вспомнился ему сталинградские дни и ночи, когда горела великая русская река, но каждый знал, что за Волгой земли нет. А может быть, вернулся он на курские поля, где броня «тигров» и «фердинандов» не в силах была смять стойкость советского солдата. Или предстала пред ним памятная ночь на Кюстринском плацдарме, когда сотни наших прожекторов в упор ослепили врага и всеокрушающие молнии легендарных «катюш» прорезали ночную темь. А может, как скоротечная лента, промелькнули перед взором минуты решающего штурма фашистского рейхстага, когда в последнем броске советские солдаты водрузили красный стяг над логовом гитлеровских бандитов. Или увиделась ветерану залитая солнцем Красная площадь, строгие шеренги солдат-победителей, повергнувших к священным камням Мавзолея посрамленные знамена и штандарты разгромленных фашистских соединений.

Вспоминаю тот далекий май 1945 года. Когда мы ежедневно ждали радостных вестей о победе, когда весенний воздух был пропитан предчувствием близкой победы, когда о ней тосковали изумрудные всходы нового урожая и родниково-умытая только что проклюнувшаяся листва.

Когда память возвращается в дни тридцатилетней давности, перед глазами проходит тот незабываемый день, сотканный из песен и хмельного веселья, из нашего ребячьего озорства и тихих слез овдовевших женщин, из скорбных морщинистых лиц матерей, хранящих в сундуках казенные похоронки. Так и слышатся заливыстые звуки расстроенной гармони и какие-то чуждые аккорды трофейного аккордеона, возбужденные рассказы отвоевавшихся инвалидов, протяжные, перевитые грустью песни старушек в накрахмаленных белых платках.

В тот суматошный и самый радостный день минувших четырех лет было невозможно еще осознать все величие подвига народа и всю горькую цену утрат, понесенных в кровопролитной войне. Еще суждено было многим героям быть неизвестными и не все свои тайны открыла только что отгремевшая война. Не успели еще рассказать о героизме солдат безымянные высоты и бесчисленные населен-

ные пункты, а летопись документов еще ждала своего часа. Это уж потом заговорили во весь голос молчаливые дубравы и партизанские лесные республики. Это позднее пошли по местам подвигов и славы юные следопыты, это уж потом были сложены гимны о победе над фашизмом. Гимны в музыке, бронзе и камне, гимны в народной памяти и в благородных сердцах.

Как же долго и мучительно трудно шло время с июньского, вспугнутого войной утра сорок первого до майских, взорвавшихся победными салютами дней сорок пятого! Какой длинный и героический путь выпал советскому народу, сколько радостей и утрат довелось пережить в эти 1418 дней самой кровопролитной и жестокой за всю историю войны! Сколько шагавших по ее ратным полям не дошли до майских дней, какое величие духа продемонстрировал советский народ под руководством Коммунистической партии! Об этом с новой силой подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС о 30-летии Победы советского народа, где говорится, что в длительной и тяжелой борьбе с врагом наши воины проявили беспримерную храбрость, величайшее мужество. Свое неоспоримое превосходство продемонстрировали советская военная наука, военное искусство; высокое мастерство в проведении боевых операций показали воспитанные ленинской партией командные и политические кадры.

Когда гитлеровские стратеги разрабатывали свой вероломный план «Барбаросса», они стремились учесть многие моменты: количество советских дивизий, виды вооружений, протяженность железных и шоссейных дорог, мощности наших заводов и фабрик. Фашистским авантюристам казалось, что их военная стратегия предусматривала все. Но, ослепленные легкими победами на Западе, ограниченные классовый слепотой и воспитанные в ненависти к социализму, разве могли они понять, что народ, строящий свободное общество, никогда не поставит на колени, что нельзя сокрушить строй, который поддерживает весь народ?

Уже первые бои на границах, когда солдаты в зеленых фуражках встали насмерть за священные рубежи Отчизны и пограничников можно было только убить, но не обратить в бегство, заставили призадуматься гитлеровских разбойников. Не было белых флагов на пограничных заставах, никто не сдавался в плен, и с каждым часом ожесточеннее и кровопролитнее становились сражения. Танковые клинья фашистов уже рвались к Минску, а в тылу германских войск героически сражалась крепость Брест, наводя ужас на захватчиков, убий-

ственным огнем отвечая на все предложения о сдаче. А впереди гитлеровцев ждал Смоленск. Древний русский Смоленск, вставший грудью, как и всегда в истории, на защиту дальних подступов столицы. Гитлеровские генералы упрямо рвались к Москве, оплачивая каждый километр советской земли бесчисленными жертвами. Они еще не знали, что в Подмосковье их ждет сокрушительный разгром, что многим тысячам захватчиков уготованы березовые кресты и снежные могилы. Они еще слали хвалебные реляции Гитлеру из-под стен Москвы и Ленинграда и еще немногие из гитлеровских бандитов понимали, что это начало их конца.

Мы сердцами слушали канонаду под Москвой, и наши сердца больно отзывались на героизм и страдания блокадного Ленинграда. Мы верили в Москву, и мы верили в город Ленина, откуда на Большую землю летели голоса ленинградцев:

Мы знаем:

Клятвы говорить непросто.

И если в Ленинград ворвется враг,

Мы разорвем последнюю из простынь

Лишь на бинты,

Но не на белый флаг!

Им не понять,

Что люди

Здесь, в кольце,

Солдат и комиссар —

В одном лице!

Развязавшие преступную войну против человечности и разума, осмелившиеся занести меч над первой страной социализма, фашистские заправилы никогда не могли понять, что в нашей стране живут Матросовы и Талалихины, молодогвардейцы и панфиловцы, что в советских школах учились Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина. Когда февральским утром застыл перед своим последним шагом Александр Матросов, шагом, отделяющим жизнь от бессмертья, где-то далеко на западе дымили крематории Освенцима и Дахау, а в Берлине под приспущенными флагами официального траура, оплакивающего поражение фашистов под Сталинградом, бесновался Гитлер. Александр не знал тогда о многом: он ясно понимал одно — его рота должна взять деревню Чернушки, и, чтобы спасти товарищей от губительного огня немецкого пулемета, он должен пожертвовать собой.

Александр Матросов и миллионы других не дошли до Берлина и не видели агонии рухнувшего рейха. Они не были живыми свидетелями на суде главных фашистских преступников. Но они были с нами, известные и неизвестные герои, на ве-

ликом Празднике Победы. Они и сегодня, в тридцатилетний юбилей, идут с нами в праздничных колоннах, и им по праву радость победы, им по праву высокая благодарность от живущих. Опаленные войной фронтовые ветераны, снимите с седых своих голов шапки и поклонитесь не вернувшимся с полей. Вспомните их имена, цвет глаз, походку, ябо не было среди жертв войны людей безымянных. И вы, дети и внуки фронтовиков, не знавшие войны, тоже обнажите головы.

Более двадцати миллионов человеческих жизней отдал наш великий и бескорыстный народ на алтарь Победы. В послевоенные годы мы с ужасающей ясностью осознали, что принес бы миру фашизм, когда, содрогаясь от гнева, подсчитывали злодеяния нацистов: руины Сталинграда и разрушенная дотла Варшава, страдания и стойкость блокадного Ленинграда, развалины Роттердама и Ковентри, трагедии Хатыни и Лидице, миллионы людей, замученных в концлагерях.

И фашизм бы сотворил свое черное дело до конца, не встань на пути ему во весь свой исполинский рост героический советский народ, наши могучие Вооруженные Силы, воспитанные и созданные Коммунистической партией. Величие беспримерного подвига народа-победителя неподвластно годам и событиям. Чем дальше уходит человечество от роковых и кровопролитных сороковых годов, тем благодарнее и масштабнее оценивают люди великий вклад великого народа в победу над фашизмом.

В эти майские дни соберутся ветераны. Помолчат, вспоминая однополчан, смахнут скупую, мужскую слезу, вспомнят дорогие песни военных лет. Пройдут в праздничных колоннах бывшие фронтовики, героические труженики тыла, чьими руками восстанавливалось разрушенное хозяйство страны, кто помог нашей Родине достичь сегодня невиданного экономического и оборонного могущества. И в одном строю с ними пойдут молодые. Те, кто верен подвигам и делам старших, кто сегодня трудится в первых шеренгах ударников завершающего года девятой пятилетки.

А. Виноградов

Фото И. Константинова

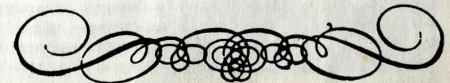




Рис. И. Кошкарева

# КОЛОСОК



Отсюда, с Останкинской телебашни, видно далеко окрест. Внизу расплескала свои кварталы, бульвары и скверы Москва, город, дорогой и близкий каждому советскому человеку.

Горят рубины кремлевских звезд, великих путеводных звезд, указывающих путь всему человечеству. Высоко взметнулись трубы гигантских заводов, основы промышленной мощи столицы, с которой не сравнятся и многие государства. Далеко за горизонт уходят кварталы новостроек. Их даже с такой высоты не окинешь взглядом. Чертаново, Дегунино, Беляево-Богородское... Ровные строчки улиц и проспектов, аккуратные кубики высоких домов. Широко раскинулась сегодняшняя Москва. Сорок километров с севера на юг, тридцать — с запада на восток. Почти девятьсот квадратных километров!

Горит у кремлевской стены Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата. Огонь этот — символ мужества, стойкости и героизма тех, кто в суровую осень сорок первого года выстоял перед напором фашистских полчищ. Символ стойкости москвичей, которые в холодных цехах заводов, на строительстве оборонительных укреплений ковали победу над озверевшим врагом. И здесь, на подступах к столице, были остановлены бронированные гитлеровские колонны, здесь впервые испытали фашисты силу наступательных ударов Советской Армии.

Давно очистилось московское небо от серебристых сигар аэростатов, давно погас в нем последний военный салют за освобождение наших городов и сел, и вот уж почти тридцать лет минуло с того памятного Парада Победы, когда советские воины, отшагавшие сотни километров трудными фронтовыми дорогами, повергли к подножию Мавзолея знамена кичливых фашистских дивизий.

Тридцать лет прошло, но живут в памяти людей герои Великой Отечественной войны. Их память в ударном ритме московских фабрик и заводов, в размахе сражения за большой урожай на той подмосковной земле, что когда-то обильно была полита кровью верных сынов Отчизны. Память эта в благородном почине молодых москвичей, которые работают в завершающем году пятилетки под светлым девизом «За себя и за того парня!». Память о героях в новом, с каждым днем хорошеющем облике Москвы, города, который всегда олицетворял негнбавую, вечно крепнущую силу социализма.

Сделать Москву образцовым коммунистическим городом! Вот та высокая цель, к которой стремится каждый житель столицы Союза Советских Социалистических Республик. И посильную помощь взрослым оказывают юные москвичи, пионеры и школьники. О делах юнатов Москвы и Московской области рассказывает этот номер «Колоска».

## Трудовой рапорт защитникам Москвы

Тропарево. Звонкое имя этому селу подарила древняя дорога из Можайска в Калугу, вернее не дорога, а тропа, пробитая сквозь лесную глушь. Дивное место выбрал тот, кто срубил здесь первый дом. И сейчас не надившись скромному величью Тропарева.

На высоком угоре раскинулись дома. Некоторые, пятась, сбегают в низину, под защиту вековых тополей и ветел. На самом красном месте — школа, высокая, кирпичная. Из окон видно, как блестящим зеленым прибоем бьет в подножие холма свекловичное поле, как перекатывается хлебная нива, как мчатся молочные автоцистерны по асфальтовой глади дороги.

Дорога! Не всегда она была такой укатанной и гладкой. Ее разбитые снарядами колеи помнят и полуторки с запыленными, усталыми солдатами, которые спешили навстречу врагу осенью сорок первого. Дважды прокатилась мимо Тропарева война. Первый вал ее долго гремел разрывами бомб и снарядами, так стойко держали оборону неподалеку от Тропарева солдаты 32-й стрелковой дивизии Полосухина и курсанты Военно-политического училища имени В. И. Ленина.

Неумолимо время. Не остановишь его бег. Но оживает история в рассказах ветеранов, что стояли здесь насмерть.

Вон там, у деревни Сивково, сходились в неистовой рукопашной с матерым врагом безусые курсанты. На взгорке, где вырос сейчас березовый колок, стояли сорокапятки, сдерживая напор бронированных чудовищ. А здесь, на ржаном поле, из наспех отрытых окопов без промаха разили фашистов темные пули сибиряков.

Приезд ветеранов всегда праздник. И как волнуются ребята, когда наступает момент сдачи рапорта! Сколько важного о своих теперешних делах должны рассказать они тем, кто в грозном сорок первом году на их земле защищал Москву!

Есть в том рапорте героям и страницы, повествующие о делах ученической бригады. Так уж повелось у тропаревских ребят — трудовыми делами доказывать верность боевым традициям своих отцов.

Навалит зима высокие сугробы, укутает белым покрывалом поля, но и в эту глухую пору кипит работа. Если заглянуть в школу январским морозным днем, невольно подивись обилию деревянных ящиков на подоконниках. Они повсюду: и в коридорах, и в классах, и в кабинетах. Не гнется, пружинит под рукой нежная зелень. Это овес. Выращивают его



## САЛЮТ, ПОБЕДА!

необычным способом. Сначала насыпят на дно муку, потом насыпят овса. Недели через две появится зеленая щетина всходов. Подрастет овес — муки как не бывало. Вынимай и складывай в корзину тугие брикеты.

«Подумаешь, овес!» — возможно, скажут некоторые. Но не спешите с выводами. Совхоз «Власть Советов» — хозяйство животноводческое. Зимой молодняку необходимы витамины. Вот ребята и помогают. За зиму выращивают они до четырех тонн зеленой массы! Вот вам и простые ящики!

Загомонят на школьных ветлах грачи, сгонит солнце с полей последний снег в Протву, и выведут из гаража школьные механизаторы свои тракторы. Вот уж который год возделывают ребята кормовую свеклу и картофель. Поле их возле леса. Пока обойдешь его, не раз пристанешь отдохнуть. Недаром звалось оно раньше Долгим. Шутка ли — 55 гектаров!

Для Нины Матросовой, например, дорог небольшой участок у самой лесной опушки. Пятсот метров всего-то и длина его. С первого взгляда заметишь летом, что разбит он на ровные делянки. На одной густая, сочная вымахала ботва, на другой — пожие, понизкорослей, а на третьей вроде бы и совсем не удалась свекла. Что ж, опыт есть опыт.

«Эккендорфская» — так называется сорт этой кормовой свеклы. И чтобы весомые получать урожаи, несколько лет проводило звено Нины опыт: перед посевом одни семена замачивали в растворе марганцовокислого калия, другие обрабатывали борной кислотой, а на контроле высевали семена, предварительно замоченные в обычной воде. Рекордной оказалась первая делянка, и теперь все школьное поле засевают такими щедрыми семенами.

ми. «Эккендорфская» — сорт полиплоидный, и не придумали пока конструкторы машину для прореживания всходов. Все приходится обрабатывать вручную. Тут уж не смотрят, кто ты — тракторист или опытник, вся бригада выходит в поле. Какой он, самый сильный росток? Непросто угадать спервоначала. Но привычка дает себя знать. Ошибок не бывает. Недаром в прошлом году урожаем удался на славу. За зиму каждая корова на совхозной ферме ежедневно получала по пять-семь килограммов пареной свеклы, которая выросла на ребячьем поле.

Тут-то самое время перевернуть еще одну страничку школьного рапорта, рассказать о животноводстве.

Не первый год в совхозе выращивают маленьких поросят на откорм. И тут помогают взрослым школьники. Валя Бакурина и Надя Бочарова сейчас привыкли к слову «лизосуптелин». Так называется препарат, который прислали в бригаду ученые Всесоюзного научно-исследовательского института синтеза белка. Как влияет он на прирост поросят? Ответ на этот вопрос искали девочки. Лизосуптелин оказался с виду простым белым порошком, почти без запаха. Всего по десять-пятнадцать граммов добавляли школьницы в молоко, обрат, комбикорма, а за сутки их подопечные дополнительно к норме прибавляли в весе на 25—30 граммов! Вот почему в прошлом году школьники вырастили тысячу элитных свинок.

Непрерывным производственным цехом стала тропаревская ученическая бригада. Здесь нет межсезонья. Весной и летом, осенью и зимой не затихает работа, не остывает трудовой накал. И когда в знаменательные майские дни приедут в школу ветераны, еще раз поражаются они успехам ребят. Хорошо хозяйствует на земле юное поколение села Тропарево. На той земле, где в сорок первом году солдаты и курсанты, не щадя жизней, защищали родную Москву.

Можайский район  
Московской области

**В. Кулагин**

## Новая слава Бородин

Памятник этот предельно лаконичен, скуп. Именно здесь, на 23-м километре от Кремля, был поставлен крест фашистскому прорыву на Москву. Ежи — врытые крест-танковой обороны. Здесь намертво забуксовала отлаженная до винтика военная машина Гитлера. Дальше враг не прошел. Фашистские орды покатались отсюда назад, к Берлину.

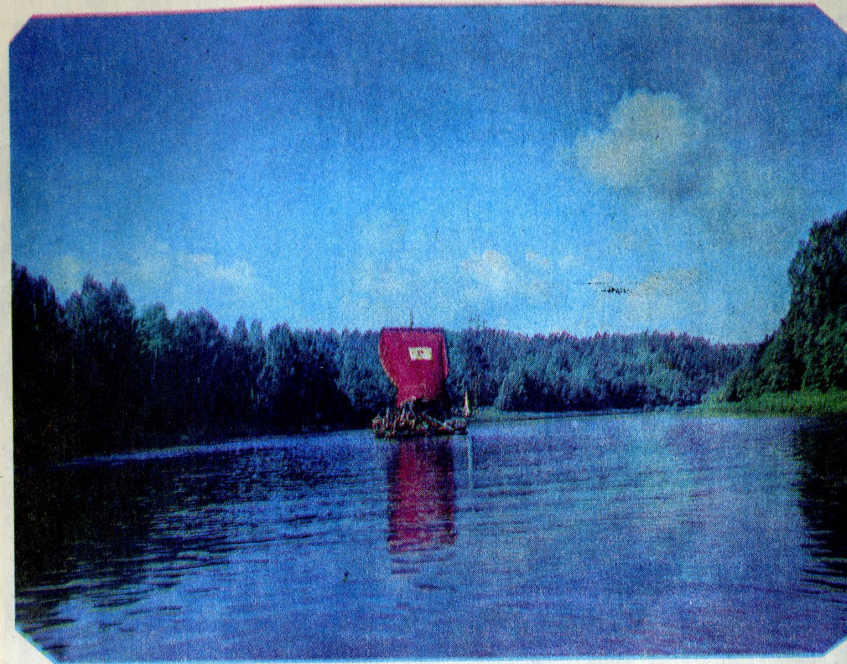
Когда пионеры химкинской школы № 3, что стоит на Ленинградском шоссе, решили создать у себя музей боевой славы, от героического прошлого их отделяли десятилетия. Казалось, все уже известно о подмосковной битве, о ратной славе отцов. И как найти героев среди будничных людей, живущих рядом? Но люди эти близко к сердцу приняли дело красных следопытов. Отдавали самое дорогое — фотографии близких, фронтовые документы, вынесенные из огня. Великая война и названа Отечественной, потому что встал на нее весь народ советский, Отечество. И герои оказались совсем рядом, здесь, в Подмоскowie, в самих Химках. Вот с фотографии военных лет смотрит на ребят их ровесник Слава Бахрушин. Ему было десять лет, когда он пришел к партизанам. Наравне со взрослыми участвовал он в боях, и на его личном счету не один десяток уничтоженных фашистов. Рядом фотография участника битвы под Москвой Андрея Савельевича Мукомела. О том, что он житель Химок, ребята узнали в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике. Дружба ветерана с красными следопытами упрочилась в общем поиске. Музей обратился с просьбой к ребятам помочь восстановить окопы и траншеи на Бородинском поле, где в октябре 1941 года происходило сражение с гитлеровскими захватчиками.

Следопытский лагерь «Реставратор» раскинул палатки на поляне, недалеко от Бородинского музея. Дело оказалось непростым. Заросли старые окопы, поднялась молодая поросль. Пришлось воспользоваться «Уставом 1941», где указывалось, каким должен быть окоп, его расположение. Но даже точно определив конфигурацию окопа, приступать к земляным работам было опасно без саперов. И сейчас еще можно было наткнуться на старую мину, неразорвавшуюся авиабомбу. Так в одном из ответвлений был найден ящик с неразорвавшимися снарядами. Скоро на топографическую карту Бородинского поля нанесли восстановленные доты, окопы. А на окопе, который ребята сами отыскали, сейчас есть надпись: «Восстановлен участником школы № 3, г. Химки».

Здесь осенью сорок первого сдерживали врага сибирские полки. Они сражались на той земле, что и русские воины в Отечественной войне 1812 года, и перед ними стояла та же задача: не пропустить захватчиков к Москве. И вновь была возведена слава Бородинского поля!

Осенью ребята из лагеря «Реставратор» высидели аллею у памятника погибшим воинам-сибирякам.

**Л. Волкова**



## Ветер в парус

Вот уже третий год плаваем мы летом на самодельном плоту по Волге от ее левого притока Большая Коша до города Старица Калининской области. На пути следования плота мы изучаем роднички и малые речки, которые впадают в Волгу, пополняя ее водные запасы. После школьных экзаменов и в этом году на нашем плоту возывается флаг и поднимается алый парус, который уже подвыгорел от палящих лучей солнца.

Нас тридцать человек, мы из школы № 717 Ленинградского района Москвы. Мы не только любим природу, но изучаем и охраняем ее. Ведь наши потомки будут жить на этой земле и пользоваться ее благами и богатствами. А чтобы это так и было, уже сей-

час нужно позаботиться о чистом воздухе, о лесах, реках и озерах, о растительном и животном мире. Все это наше кровное дело.

Для изучения родничков и малых рек ребята разбиваются на две группы. Они идут одновременно по правому и левому берегам Волги. Путь нелегок. Ребята несут с собой журнал, в который заносят все необходимые данные, приборы (вертушку, водомерную рейку, термометр), топор-лопату и продукты на перекус. Часто приходится проходить за день 20, а то и 30 километров. Но вот родничок найден. Тотчас закипает работа. Надо расчистить голубое окно от ила, вбить колышек и повесить на него баночку для питья, провести необходимые замеры и занести их в журнал.

По берегам рек, как из-

вестно, нет асфальтированных дорог, а иногда и торных тропинок. Поэтому отрядам приходится преодолевать завалы деревьев, сплошной кустарник, заросли крапивы, топкие места, отбиваться от назойливых оводов и комаров. Хотя и трудно бывает порой, но работа такая всем нравится, и ребята иногда забывают обо всем на свете. Так случилось однажды с Максимом Пшеничниковым, Ваней Пластининым и Алексеем Филипповым. Забрав приборы и продукты, переправились они на левый берег Волги и отправились в очередной поход. Плот снялся с якоря и поплыл. Стоянку, где должен пристать плот, ребята хорошо знали. К обеду мы заметили, что вода в Волге стала быстро прибывать, видимо, в верхних Волге шли сильные дожди.

По воде поплыли щепки и даже бревна. Скорость плота заметно увеличилась, и мы шли на очередную стоянку намного раньше обычного. Плот поставили на якорь, установили палатки, сварили ужин, поели. Солнце на закате. Уже возвратились три группы, а группы Максима все нет и нет. Среди дня их видели за работой. Что же случилось? Прошло еще некоторое время, но ожидания были напрасны. Взошла луна. Я стал очень беспокоиться. Пришлось переправиться на левый берег Волги и начать поиски. Через несколько километров мы наконец обнаружили ребят у родника. Занятые работой, они забыли о том, что их давно ждут в лагере и беспокоятся.

Дома при свете костра ребята рассказали о своих приключениях. Не сразу заметили они, что поднялась вода в Волге и ее притоках. Чтобы найти брод через один из них, пришлось пройти несколько километров в сторону от Волги. Тропа привела в деревню. Там повстречали местных ребят. Завязался разговор. Максим рассказал, откуда они, чем занимаются, куда идут, показал приборы и объяснил, как ими пользоваться. За разговорами и не заметили, что дело идет к вечеру. Деревенские ребята вывели группу к тропинке, самому короткому пути к Волге. Когда вышли на ее берег, стали попадаться роднички. Вот так, увлекшись работой, они и не заметили, что наступила ночь. Всего в тот раз обследовали ребята около 20 родничков.

Путь следования нашего плота проходит по местам, где в годы Великой Отечественной войны шли жестокие бои. На берегах Волги и сейчас еще сохранились надолбы, окопы и блиндажи, которые являют-



ся немymi свидетелями героических сражений наших солдат с фашистскими захватчиками. Не раз в своих походах встречались мы с участниками войны, фронтовиками. В походе мы возлагаем венки из полевых цветов на братские могилы безвестных героев, собираем военные трофеи и по возвращении в Москву передаем их в Народный музей боевой славы в Сигарях Московской области.

Скоро вновь взвьется над плотом алый парус. И снова выйдут в поход юные следопыты школы. Что-то принесет он? Уверены в одном: прозрачнее станут голубые окна родников, чище воды рек и речушек, значит, полноводнее будет наша красавица Волга.

**Н. Щербakov,**  
кавалер знака ЦК ВЛКСМ  
«Наставник молодежи»  
Фото автора

## ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД ОТЧИЗНЫ

Мы переписываемся с юннатскими кружками, со школами, с детскими садами. Мы получили 82 письма с адресами школ, которые озеленяют братские могилы, обелиски. В этом году мы третий раз отправим по этим адресам семена цветов для озеленения братских могил и памятников. Наши цветы — на братских могилах и у памятников в Киевской, Днепропетровской, Ленинградской, Минской, Волгоградской областях и Молдавской ССР.

**Кружок юннатов Дома пионеров**

г. Коломна  
Московской области

Еще до появления приказа № 4 по эстафете «Зеленый наряд Отчизны» на собрании кружка мы твердо решили внести свою юннатскую лепту в празднование 30-летия Победы советского народа над фашистской Германией. Есть у красных следопытов замечательный девиз: «Никто не забыт, ничто не забыто!» Пусть же он станет и девизом юннатским, девизом всех пионеров! Мы решили в этом году вырастить самые лучшие, самые красивые цветы и украсить ими пять отдаленных братских могил советских воинов, павших за наше счастье в этой священной войне. Эти могилы помогут нам разыскать наши красные следопыты. Вместе с ними лучшие юннаты и высадят свои цветы ко Дню Победы, вместе и будем ухаживать за ними.

**Совет кружка цветоводов**

Дворец пионеров  
имени П. П. Постышева,  
г. Харьков

Центральный совет Всероссийского общества охраны природы учредил для победителей конкурса «Зеленый наряд Отчизны» три премии. Лучшие отряды нашей эстафеты будут награждены также памятными медалями и выпелами Всероссийского общества охраны природы.

В честь 30-летия Победы над фашистской Германией мы посадили 142 сосны и 271 лиственницу. Сосновый бор заложил ученики 8-го класса, а рощу из лиственниц — ученики 7-го класса. Благоустроили территорию обелиска. Обелиск стоит в окружении белых берез, елей и амурской сирени. Дополнительно посадили еще березы и много цветов: рудбекии, гвоздики, розы и другие.

Многие семена цветов мы получили от других школ страны, выполняя операцию «Крылатое семечко». Поэтому у нас действительно будет живой зеленый костер Славы.

**Члены школьного штаба**

**эстафеты «Зеленый наряд Отчизны»**

с. Любитовка  
Приморского края

279 юных натуралистов — мальчишек и девчонок, страстно влюбленных в природу. Это много или мало? Для небольшой школы, где учится всего 360 детей, конечно, много. Войдите в школьную оранжерею — этот своеобразный кабинет биологии. Кажется, что сюда собрались цветы со всех концов планеты. Все это сделали трудолюбивые руки учительницы Демьяновой Веры Демьяновны и ее учеников. Но это не все. Осенью ребята заготавливают птицам корм: семена лебеды и лопуха, пырея и чертополоха. А летом на цветниках школы распускаются мальвы, гладиолусы и другие цветы, рассаду которых выращивают сами ребята.

**В. Чупыркин**

г. Шумерля  
Чувашской АССР





МОЯ РОДИНА  
СССР

Б Е Л А Я  
В Е Ж А

**В**сякий раз, когда бываешь тут, хочется воскликнуть: как же ты прекрасен, древний и могучий лес.

Еще издали, сразу за старинной башней Белая Вежа, давшей наименование заповедному лесу, хвойная синь его опушки как бы окликает вас броскостью своих очертаний, манит к себе. К пуше льнут окрестные перелески, поля, деревеньки. Она главенствует среди мягкой и скромной красоты белорусской природы.

А уж в самом заповеднике поначалу голова кружится от лесного воздуха, от необъятности, щедрости пуши. Особенно хороши тут грани, разделяющие сутки, когда все вокруг видится заново, и пуша как бы излучает свои угасающие или оживающие краски, их переливы, оттенки. Это движенье времени, жизни обдаёт тебя своим дыханием, и еще обостреннее чувствуется, становится дороже каждый ее миг.

Вот догорает вечерняя заря. Довольно быстро. Задержалась бы зорька еще немного со своим закатным блеском, золотинками паутины на ветвях, огнивом хвойных стволов и всплесками птичьего щебетанья!

Но роща сужает окрестную поляну, оставляя за ее гранью неразличимость. Кажется, теперь далеко-далеко приотившее тебя жильё. Едва просматриваются близкие контуры стволов, ветвей. За ними все сливается в темную громаду. Верхняя кромка ее становится похожей на кружево, наложенное на чуть светящийся перламутр неба.

Голоса ночного леса гасят появившееся было чувство его неуютности, настораживающей таинственности. И ты уже любишься бархатной темнотой, далеким, еле видимым свечением неба, еще глубже вдыхаешь запах смолистой коры и хвойных ветвей.

То, что смутно видится на земле, местами начинает обретать фантастические очертания. Высокая сосна кажется гигантской птицей, взерошившей перья, расправившей крылья. Соседний куст становится похожим на косолапого с неестественной огромностью плеч. Кстати, косолапые в пуше не водятся.

Напрягаю зрение, чтобы исчезло наваждение. В то же время мне не хочется, чтобы оно исчезало. И еще хочется: появился бы рядом сейчас мой знакомый, здешний старожил, егерь Сергей Степанович Власюк, немножко фантазер, немножко мечтатель, неутомимый рассказчик былей лесных. В самый раз их послушать.

Но где же Власюка тут встретишь? Его урочища и просеки совсем в другом краю пуши.

Сергею Степановичу за пятьдесят. Голос его моложав и богат интонациями. Как вышивальный узор на ткани леса, были при одной нашей встрече его мягкие слова:

— Если бы все время длилось, скажем, утро или вечер, человек привык бы, перестал многое замечать, удивляться земной благодати. А без этого жить нельзя. Особенно в таких местах, как наши.

А что? Верно сказал. Вот тот же уголок леса после ночи, в яркой солнечной позолоте, в росистой свежести рассвета. И снова, словно впервые, видишь несказанное великолепие пуши, замечаешь все новые переливы ее красок, нескончаемость ее рисунка, неповторимое своеобразие пейзажа.

На своеобразии такое Власюк же обратил мое внимание:

— Здешний лес со всей страны скланили. Это он о том, что Беловежская Пуша соединила в себе цвета многих отчих мест, дав приют их питомцам. Здесь замечаешь и тундровую березку-невеличку, и северную же белую пихту, и ветвистую бородавчатую березу коренных российских мест, и детище знойного юга — скальный дуб. Они славно прижились, дают крепкое потомство. Основная же краса леса — сосна и ель многих пород. Куда ни кинешь взгляд — хвойная синь, как малахит разных оттенков.

Всего до девяти сот видов растений, десятки их древесные, составляют редкое в мире богатство Беловежской Пуши. Под небом милой, светлоокой Белоруссии, вслушиваясь в тихий или трепетный шелест ветвей разноплеменных деревьев, мысленно переносишься в их исконные места и живо ощущаешь могучую необъятность Родины, красоту и щедрость всей нашей земли.

О стойкости же здешней лесной красоты напоминают ее великаны-долгожители. Их в пуше более ста. Они гордо простирают громадные ветви над гибким подростом и взрослым потомством, над окрестными дачами и веками истории. Ее живые свидетели на особом учете и попечении в пуше, неизменно вызывают общий интерес. Не только своим долголетием, но и нынешним состоянием.

Сосне почти триста лет, ее рослые ветви шумели в пору Суворова, Радищева, Пушкина, но и теперь она не ведает увядания. В полной силе и яркости лиственного наряда исполинский дуб, под сенью которого, как гласит предание, ставил свой охотничий шатер князь Баторий. Или вот еще — шестивековой великан, современник Куликской битвы и открытый Колумба. На неохватном стволе давняя, зажившая рана — глубокий след пня. Кто-то пытался померяться силами. Молнии ударили в ствол могучего дуба. Сколько бурь испытывали лесных долгожителей на прочность! А дуб поныне плодоносит, и, должно быть, далеко ему до того состояния, которое на языке тружеников леса называется распадом дерева.

Интересно заметить, что деревья — ветераны Беловежской Пущи дали основание ученым сделать вывод о наступлении такого распада у некоторых древесных пород в значительно более позднем возрасте, чем считалось прежде.

— Какой там распад! — воскликнул Власюк, когда мы как-то очутились с ним около шестивекового дуба. — Сами видите — силаща!.

Я почувствовал, как для него важна мысль о долголети старейшин пущи.

Рядом с ними всегда хочется подольше побывать, запечатлевая в памяти необычные очертания очень высоких деревьев, крупный рисунок похожей на броню коры, густой, раздумчивый шелест ветвей, словно долетающий из глубины веков.

Эти великаны венчают собой неодолимую притягательность здешнего леса для людей. Для тех, кто приходит сюда. И для тех, кто не расстается с ним всю жизнь, отдавая себя неусыпной заботе о каждом уголке заповедной земли, о каждом ее кустике, дереве. И о ее пернатых и четвероногих питомцах.

Ведь они тоже богатство Беловежской Пущи, особенно знаменитые зубры — самые крупные и древние парнокопытные в нашей стране. Их род восходит к ледниковому периоду.

В начале нынешнего века во всем мире насчитывались единицы зубров, собственно, близилось их полное исчезновение. До Октябрьской революции Беловежская Пуща была заповедником лишь постольку, поскольку она составляла собственность царской фамилии и оставалась местом вельможных охот. Зубры безжалостно истреблялись. Известен случай, когда только за одну охоту их было убито двадцать восемь. Опустошительными для четвероногих обитателей пущи стали и владычество панской Польши, и годы фашистской оккупации.

Коллектив заповедника приложил старания для того, чтобы помочь решить важную для науки проблему сохранения редкого животного. Проблема эта считается теперь решенной, хотя количество зубров пока что не очень велико. Они медленно размножаются. Во всем мире их насчитывается сейчас тысяча сто. Треть их — в Советском Союзе. Около ста — в Беловежской Пуще.

Для большего порядка в уходе за Беловежской Пущей создано тринадцать лесничеств. Одно из них возглавляет Евгений Владимирович Лукша. Он всегда в безукоризненно разглаженном форменном костюме, ладно облегающем стройную фигуру. Считает, иначе выгладеть нельзя на службе лесу. Его сияние не гаснет в светлых, доб-

рых глазах Лукши, замечающих каждую помеху полнокровной жизни пущи.

Узкими дорогами и без них возил он меня по своим обширным угодьям, ловко управляя новеньким «газиком». Указывал места, где сравнительно недавно начинал работать лесорубом. В Язвинском урочище, дохнувшем на нас сыростью низины и запахом прелых листьев, он валил отжившие деревья, давая больше простора, света и соков земным другим. Те, что отжили, сажал его прадед. Те, что еще в полной силе, — дед. Отец всю жизнь ухаживал за ними. От него сын принял должность лесника. Не расставаясь с пушей, окончил техникум, потом институт и вот уже несколько лет во главе одного из ведущих лесничеств.

В Язвинском урочище он останавливал машину несколько раз, приближался со мной к коренастым деревьям, окруженным вихрастым и гибким подростом, густо осыпанным листвой, рассказывал о их жизни. Несколько раз мягким движением руки касался молодых ветвей и шершавой, мшистой коры стариков. Тогда замедленное звучали его слова. Чувствовалось, как дороги Лукше дела его, эти места и ощущение нескончаемости земной красоты, человеческой близости к ней.

В местах обитания кабанов, косуль, оленей, зубров, у водопоп, на звериных тропах — кормушки. Последнее время — модернизированные. Сараи-кормушки. Тут оставляют сено на долгий срок. Под тяжестью своей оно само подается лесным питомцам. Не надо часто тревожить их. Да и пробираться сюда после обильного снегопада — беда.

Когда заготовленного корма в достатке — отваживаются копытные от лесного подростка, ему меньше ущерба. Словом, все в общем круговороте у природы. Все в ней необходимость, разумность. И отзывчивость на человеческую доброту.

Это уж я излагаю рассуждение Сергея Степановича Власюка, с которым меня и познакомил в ту поездку по лесу Лукша. Остановились мы с ним на берегу искусственного озера, созданного недавно с помощью небольшой речушки Соломинки для поддержания нужного уровня грунтовых вод.

У озера камышовые берега, ближе к середине — камышовые же островки с пучинной ивовых кустов. В гладь зеркальную со всей береговой окружности глядятся плакучие ивы, березы, высокие дубы. Поодаль легкая туманная дымка стелется над водой, чуть засти, то, что отражается в ней.

К массивному дубовому стволу пригнул спиной, в усталой позе сидел на земле пожилой худощавый человек. Положил рядом



форменную фуражку, ружье и глядел на озеро. Темнели сыростью союшки его сапог. На шум «газика» не повернул головы, может быть, не услышал.

— Вам повезло, — сказал мне Лукша, — вот уж лесного рассказчика встретили!

Подожли. Представил нас друг другу. Сели рядом. Лесничий спросил Власюка:

— Не помешает, Сергей Степанович?

— Отчего так?

— Думаю, дремлет человек.

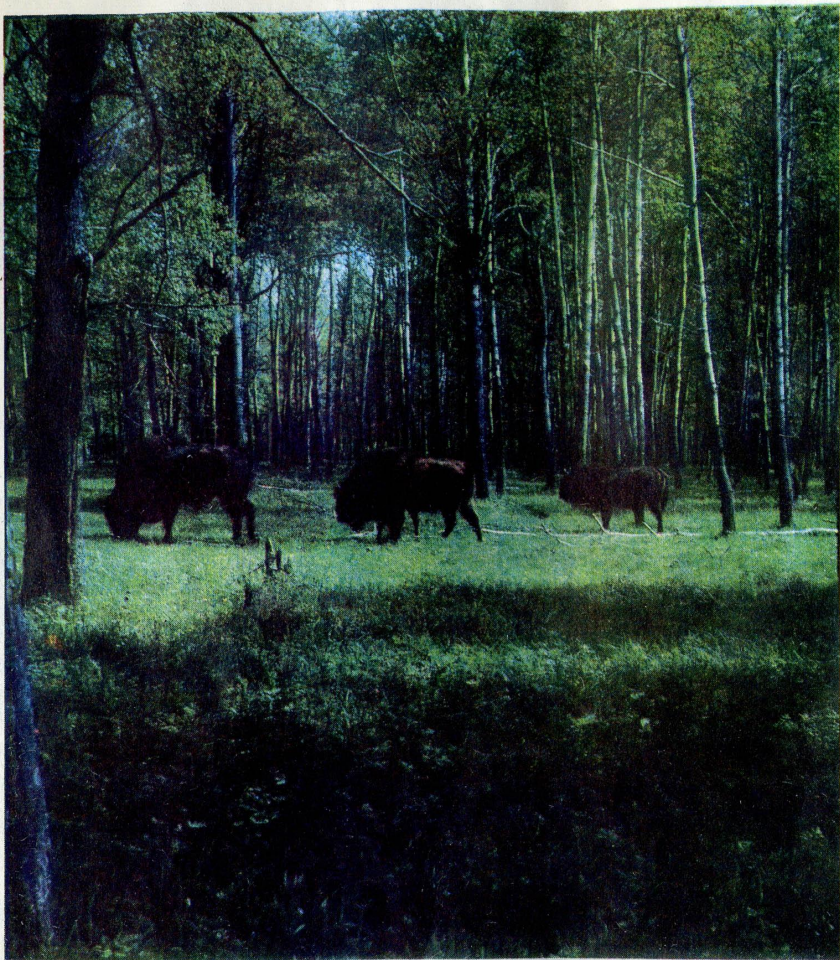
— Какое дремлет. Бровные хатки сейчас обхаживал.

И тут я увидел на лице Власюка отра-

жение какого-то особенного интереса, живого внимания к тому, что совершается вокруг на земле, знакомой ему с малых лет, которое замечал в нем потом. Интерес и собственной причастности к этим переменам. В карих, слегка слезящихся глазах с высокими полинявшими бровями — немота невысказанных слов, назревающих, пока егерь бродит по лесу один.

Я все больше чувствую, как же Власюк рад своим зоревым странствиям по лесным полянам и чащам, доверчивости, с какой встречают его дикие звери, их сытости и покою, каждому случаю помочь им. Сергей





Степанович даже по следам, оставленным на росистой траве, после дождя, по чернотропу, особенно же зимой угадывает — не подросла ли надобность какая, нет ли в стаде ослабевших животных, не угрожают ли копытным хищники, и спешит на помощь.

— Когда зимой снегу много навалит, беспокойно на душе, — говорил он, — не спится ночью. А что, как от стада кто отбился, не нашел кормушку? Наберу корму мешок — и айда в лес. Как-то гляжу — на поляне кабаниха с двумя поросятами. Тоши, еле ноги волочат, почитай что то-

нут в снегу. У меня картошка в мешке. Высыпал на снег. Кинулись к ней. Я рядом. А потом — по следу моему. Я — на кордон. Они — за мной. Взял поросят на руки, снял перчатки, пяточки им посиневшие отогреваю, донес, водворил с кабанихой в сарай. Пусть откормятся. Тихо хрюкают — должно, благодарят. Ночью слышу в сарае шум, что-то падает там. Ведро затарахтело. Гости разыгрались? Не в таком состоянии. И не ко времени. Полушубок на плечи, прихватил фонарь и к сараю. Только я к двери — оттуда высовываются клыки. Видно по ним — огромный секач

у гостей моих. А с ним-то шутки плохи. Этот глух к человеческой доброте. Должно быть, заслышал шаги, кинулся к двери. Я прижал ее. Секач давит изнутри. Так мы и схватились. Еле дверь закрыл, закрепил бечевкой. Утром прихожу. Дверь на земле. Секач высидел, ушел. А кабаниха с поросятами хрюкает: мол, есть давай. Подкормились с месяц, по теплу выпустил. Видел потом в стаде. По клыкам и секача узнал. На расстоянии, конечно. Я ведь каждого своего зверя различаю по оттенкам шерсти, по походке, по физиономии.

«Своего» — значит того, что прижился на закрепленных за егерем угодьях. В момент нашей беседы на попечении Власюка находилось семьдесят кабанов, триста оленей, двенадцать косуль. Зубры появляются тут временами.

С ними Сергей Степанович тоже, что называется, находит общий язык и пользуется каждым удобным случаем полюбоваться могучим и гордым зверем. Только однажды, когда Власюк подвез на санях картофель к кабаньей кормушке и неожиданно застал тут знаменитого в округе Пугенала, то не обнаружил в нем благорасположенности к себе. Впрочем, не в пример сородичам, Пугенал всегда отличался задиристым нравом, чем и снискал себе большую известность. Воинственно изогнув гривастую шею, зубр грозно бросился на человека. Вот уже слышен звериний хрип. Почти рядом — курчавость широкого лба над налитыми кровью глазами. Власюк нажал на курок.

Должно быть, заметив в моем взгляде понимание крайней необходимости, к которой он мог прибегнуть, Сергей Степанович кротко улыбнулся и всплеснул руками:

— Что вы! Что вы! Выстрелил в воздух. Разве можно!..

Даже не произнес, что именно: разве можно! Мысли такой не допускал. Задним числом рассуждает: нужна была уверенность, что выстрел отпугнет зверя, охладит его ярость. Считает, что не так уж она была велика. За что особенно зубру сердиться здесь на человека? Но тогда, наверно, подумать ни о чем не успел. Действовал машинально, верный свойствам своей души, с малолетства зрелшей под сенью доброты и мудрости родной земли.

— Разве можно! — повторил Власюк еще раз. — Зубр целехонек умчал на приволье.

Глаза Власюка улыбочиво сузились, взгляд его прошерлся по лесной гряде за озером, словно что-то высматривал в глубине чащ, еще больше потемневших рядом с предвечерней яркостью опушки. В яркости этой светились белые стволы берез. Точно вдогонку за быстро и незаметно уходящим вре-

менем пробежала по воде мелкая рябь и исчезла.

Сергей Степанович продолжал:

— Да, такого случая больше не было у меня за все двадцать пять лет, что я работаю в пуше. Обычно выхожу на поляну, и вот они, метров двести, сто от меня. Паусутся. Я замру. Не от страха — от удивления. Словно художник вельми тороватый их нарисовал, к тому же в хорошем настроении. Оно от радости бывает, что есть такое на земле. Я о лесе. О его зорях. О косулях. И о зубрах. Какая могучая статья! Каждая линия с другими в полном согласии, будто у древесной ветки. В каждом изгибе — трепет. Шиплют траву степенно так, важно. Знают себе цену. Самка, что в стаде вожаком, у зубров так заведено, поднимет голову, мельком глянет на меня — и опять к траве. Остальные и голов не поднимут. Может быть, им знак какой подан. Мол, не дрожите, свой это идет по нашей пуше. Я постою — и на другие угодья. На душе вельми хорошо.

В здешних местах в ходу это старинное слово — вельми.

И голос, и взгляд, и мечтательная поза Власюка — все говорило о том, как дорога ему неразделимость своей жизни с нескончаемой жизнью родного леса. И еще я подумал: а ведь и верно — за что этим великанам пуши быть здесь в обиде на человека?

**А. Кожин**  
**Фото В. Сабадаша**  
**и Г. Смирнова**

На наших фотографиях:  
*Европейский благородный олень (стр. 10)*  
*Мохноногий сыч (стр. 13).*  
*Беловежские зубры (стр. 14).*





Осветив черепицу на крыше  
И согрев древесину сосны,  
Поднимается выше и выше  
Запоздалое солнце весны.

В розовато-коричневом дыме  
Не покрытых листьями ветвей,  
Весь пронизан лучами косыми,  
Бьет крылом и поет соловей.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

### Встреча

Как-то в воскресный день собрались мы в лес за ландышами. А кто-то даже посоветовал прихватить с собой и лукошко — появились, мол, в лесу майские маслята.

И вот мы в лесу. Кудрявые белоствольные березки, разбежавшись группками, нашептывали своими ярко-зелеными листочками что-то друг дружке. А рядом стояли величественные молчаливые дубы, как верные стражи лесного порядка. Чуть пробежит ветерок, и лес заговорит на своем волшебном языке; прислушаешься, и кажется, что кто-то, тихо вздыхая, приговаривает: «Как хорошо, как хорошо». А листочки душистого боярышника, а желтые цветы лесного чистотела и, наконец, хрупкие стволы лесных ландышей — все благоухает ароматом, чистотой, молодостью. Вот рядом защелкала какая-то серенькая птаха, где-то далеко-далеко закуковала кукушка, и невольно начинаешь подсчитывать: «Сколько же, кукушка, ты мне годочков выдашь?» На полянке, залитой солнцем, вскидываешь голову и замираешь от всей этой сказочной красоты — голубое в легких облаках небо, а рядом лес с его сказочно-загадочным миром.

Наклонившись посмотреть — не масленок ли молодой прячется в прошлогодней траве? — слышу какой-то шорох, поднимаю голову — в шагах двадцати от меня стоит темно-коричневый красавец лось. Глаза спокойные, доверчивые. Ноги мои так и приросли к земле. Я боялась пошелохнуться, дабы не спугнуть это чудесное видение. Постояв на месте минуты три, лось не торопясь прошел вперед, еще раз оглянулся в мою сторону и скрылся за деревьями. А я долго стояла и смотрела вслед лесному великану.

Г. Шевченко

### Живите, березы!

Как только приходят теплые весенние дни и начинает просыпаться природа, кто из нас усидит дома? «Скорее в лес, в чарующую весеннюю сказку», — напомним какой-то внутренний голос, и я поддамся его таинственному зову. Отыщу ту полянку, где стоят рядом три гордые красавицы, тонконогие березки, подойду к ним и поочередно прижмусь разгоряченной щекой к их гладким стволам. На мои плечи упадет нежная грусть ветвей, и шепну, покоренный ею: «Здравствуйте, сестрички».

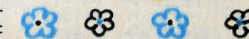
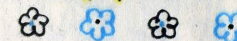
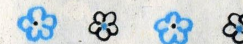
Я приду к ним усталый, их густые кроны укроют от изнурительного зноя. Отсюда я увижу в зеленой траве лесной полянки, словно рубиновые россыпи, крупные ягоды земляники и светло-голубые, точно небесная лазурь, ласкающие душу лесные колокольчики. Навещу их и в дождь. С ветвей будут стекать теплые капли, обожгут, как горькие безутешные слезы обнаженную грудь, напоминая о чем-то далеком.

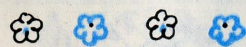
Усталого, но довольного грибника, они приветят меня и в осень. У моих ног будет стоять кошелка, полная малиновых подосиновиков, а сам я, привалясь спиной к стволу, запрокину голову, буду смотреть на качающуюся синеву неба. А мои знакомки будут ревниво шуметь уже пожелтевшей листвой.

Только зимой, когда завьюжит пурга лесные тропинки и уснут повзрослевшие три сестры-красавицы среди сверкающего серебряного царства снегов, вспомню о них с

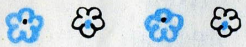


Фото В. Минкевича  
и С. Плешакова





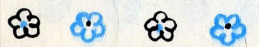
гаичка



пеночка-теньковка



короетель-дергач



затаенной тоской, взгрустнется... Когда снова смогу шепнуть им: «Здравствуйте, березки!»

По апрельским первоцветам уже промчались теплые весенние ветры, побежали журча веселые ручейки. Я снова спешил к своим знакомкам. Повсюду в проталинах уже тянулись к солнцу бледно-зеленые травинки.

А вот и полянка. «Здравствуйте, березки!» — это кричала моя радость. Но что это? Они не трянули приветливо дождем ветвей, они плакали. Вы не видели, как плачут березы? Молча, обреченно, как плачут люди, когда умирает близкий...

Умирала средняя. На уровне груди черной молнией наискось прорезал ствол глубокий разруб. Из раны сочился сок. Бурой студенистой массой застыл у подножия. Вездесущие муравьи шныряли по стволу — сок сладкий.

«Ты будешь жить!» Мокрый, холодный, липкий чернозем. Он должен помочь. Густо замазал рану, носовым платком обвязал ствол. Это все, что я мог сделать...

Житейские штормы встречали меня на дорогах. А куда только не вели эти дороги! И вот я снова в родных местах. Знакомая тропинка привела меня на полянку. Посреди нее, поднявшись ввысь, стояли три гордые красавицы березы. «Здравствуйте!» — крикнул я и поочередно прижался щекой к их шершавым стволам. А они радостно прошумели в ответ молодой листвой. И в этом шуме был свой смысл и свое величие — это торжествовала жизнь!

В. Кленов

### Кто разбудил тишину?

Рассветало. Но в лесу, окутанном густым туманом, было по-прежнему мрачно и сыро. Вокруг ни единого звука. Даже если треснет под ногой сук, то звук сразу же гаснет, как в какой-то вате. Натянутая над тропкой ловчая сеть паука от сырости, казалась, разбухла и, отяжелев, обвисла. Но вдруг где-то недалеко послышалось тихое «зи-зи-зи». Было похоже, что кто-то осторожно пытается распилить тишину, сковавшую лес. На время звук утих, но вскоре зазвучал настойчивее. Среди разлапистых ветвей кедров суетились две проснувшиеся синички-гаички. Они трясли повлажневшими крылышками и тихо переговаривались: «зи-зи-зи!» К их вкрадчивым голосам прибавился еще один, побойчее и похожий на постукивание о наковальню серебряного молоточка «динь-динь-динь!». Это запела пеночка-теньковка. А вскоре и солнце проснулось, поднялось над лесом. Поднялся туман и, слегка порозовев, стал редеть. В березовой роще, чуть тронутой розовым, неожиданно закуковала кукушка. Ее кузина — глухая кукушка, житель темно-хвойного леса, словно недовольная всем этим шумом, по-старушечьи глухо забубнила: «уб-уб-уб». А на лесистом склоне вовсю стучат дятлы, суматошатся дрозды и поют зяблики. Даже такой «певец», как коростель-дергач, которому, как говорят, медведь на ухо наступил, тоже не выдержал — кричит-надрывается на сыром лугу.

В лес пришло утро. Все ожило. Росистый луг играл огоньками росинок, сыпала искры серебристая паутина. Шумел и звенел лес.

Это гаички разбудили тишину.

Б. Щербаков

### Цветы для подруги

Мне удалось увидеть гнездо скворцов в небольшом дупле старого бука. Пользуясь отсутствием птиц, я хорошо разглядел эту птичью квартиру. Почти все дупло было завалено соломинками, тряпочками, шерстью, обрывками веревок. Часть этих «строительных» материалов скворцы собрали на лесных полянах, другую часть принесли из города. Вначале весь хлам был навален в кучу. Потом самка разгребла его, образовала ямку и отложила туда шесть яиц. Началось самое тяжелое время: насиживание яиц. Сутками сидит скворчиха в гнезде. Вылетает только немного поразмяться. Вот тут-то я и заметил необычайно заботливое, нежное отношение к ней скворца. Он часто приносил ей гусениц, червей, жуков, но это было не все. Время от времени скворец срывал клювом на лесных полянках различные цветы: фиалки, гиацинты, барвинки, примулы. Пучки пахучих цветов он приносил домой, заботливо укладывал у входа в дупло так, чтобы самка их видела. Уложив букетик цветов у гнезда, скворец произносил короткий звук. Самка ему тотчас же отвечала.

Счастливый скворец усаживался на ближайшую ветку и принимался насвистывать, напевать, выщелкивать, даже гоготать по-гусиному.

И. Гаустов



### ЛАСТОЧКА ПОД КРОВЛЕЮ — К СЧАСТЬЮ

Где ласточке не летать, а к весне опять прибывать.

Ласточка весну начинает, а соловей кончает.

Ранняя ласточка — к счастливому году.

Одной ласточке не радуйся.

Первая ласточка не делает весны.

Сова тиха, да птиц душит, а ласточка весь день щебечет, да зла никому не делает.

Ласточка вьет свое гнездо на том доме, где живут добрые люди.

### АЗБУКА НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Ласточки летают высоко — на сухую погоду, на вёдро.

Ласточки летают то вверх, то вниз — жди бури.

Ласточки задевают крыльями поверхность воды — к дождю.

Ласточки купаются и тревожно летают то в гнездо, то из гнезда — перед дождем.

Ласточкин роток — зевок с локоток. Молод конь за морем бывал: спинка соболина, брюшко беленько. (Ласточка.)



В мае в лесостепной зоне и зоне широколиственных лесов завершают работы по посадке и посеву лесных культур, закладке питомников, защитных лесонасаждений. В Сибири и северных районах страны эти работы только начинаются.

Основная задача юных лесоводов в этом последнем весеннем месяце заключается в организации и проведении ухода за молодыми всходами. Часто на поверхности почвы образуются корка, обильно прорастают сорняки. Юные лесоводы должны провести

рыхление и прополку, проследить за тем, чтобы всходы были равномерными, дружными. В местах, где произошёл отпад (не появились всходы), следует снова провести посадку. В питомниках против пырея и злаковых сорняков применяют гербициды.

В засушливых южных районах с целью предохранения почвы от выдувания участки, где посажены семена, прикрывают слоем опилок или перегноя.

Много врагов у молодых всходов: и болезни и насекомые-вредители. Очень часто молодые всходы поражаются грибом из рода фузариум, который вызывает полегание. Чтобы предотвратить распространение этого заболевания, всходы нужно опрыскнуть полупроцентным раствором марганцовокислого калия. Иногда всходы сосны поражаются сосновым вертуном, вызывающим искривление побегов. На участках ели, сосны, ли-

ственницы, березы нужно следить за появлением ржавчины хвои и листьев. Эти культуры опрыскивают бордосской жидкостью (2—3 раза в течение всего летнего сезона).

В конце месяца юные лесоводы должны собрать семена осины, ильмовых пород, семена тополей (черного, белого, канадского). А так как эти семена долго хранить нельзя (они быстро теряют всхожесть), то их сразу же высаживают.

Важной работой членов школьных лесничеств является в мае охрана лесов от пожаров. Сухая прошлогодняя трава, подстилка создает повышенную пожарную опасность.

Юные лесоводы совместно с лесной охраной должны усилить пропаганду среди населения правил поведения в лесу. Члены школьных лесничеств проводят беседы, выступают с лекциями, расставляют щиты и аншлаги, призывающие бе-

речь леса от пожаров и других лесонасаждений. Оформляются специальные места в лесу для отдыха и курения. Юные лесоводы проводят патрулирование в лесу. Своевременно обнаруженные очаги пожаров, вовремя принятые меры сохраняют наше зеленое золото — лес.

Не забывайте, ребята, и о проведении фенологических наблюдений за сезонным развитием природы. Май особенный месяц. Каждый день приносит что-то новое в пробуждении природы. Зацветают красавицы русских лесов — черемуха, северная сирень — волчье лыко, одеваются листвою береза, дуб, рябина. В лесах не смолкают птичий хор — каждый восхваляет весну по-своему. Все явления должны быть записаны в ваших календарях природы. Старайтесь больше увидеть, природа откроет вам много интересного.

В. Ефимова

## ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Много их было в ту весну, первых грибов-разведчиков. Уже давно сошел снег, зазеленели деревья, а заядлые грибники несли и несли из леса полные лукошки. До конца мая успешно шла «тихая охота».

Правда, не все в деревне поначалу уважительно относились к сморчкам. И не потому, что трудно их было отыскивать, а потому, что очень уж непривычными для многих казались эти ранние грибы. Но когда задымились во дворе Петровых костры и потянуло на улицу духом жареных грибов, мало кто усидел дома. Скорее, скорее на поиск первых даров леса!

Сам хозяин дома, дядя Саша, возвращался раньше всех. И всегда походы его были удачными. Где отыскал он заветное грибное место? Какие тайны весенних грибов открылись ему? Долгое время остава-

лось это загадкой. Но однажды заметили мы, что в лес-то дядя Саша почти не заглядывает. Медленно ходит по вырубке вдоль высоковольтки сначала по одной стороне, потом по другой. Там-то и стали попадаться нам отменные сморчки. Их темно-коричневые шляпки все в морщинах. Рассмотрешь получше — и подивись их схожести с пчелиными сотами. А если сорвешь после дождя, обязательно заметишь в изрезанных ячеях гриба улитку. Не слишком надежное укрытие облюбовала она!

Прохладно пока весеннее солнце, вот почему и растут сморчки, впрочем, как и другие первые наши грибы, там, где сильно припекает оно: вдоль дорог да канав, на лесных опушках и вырубках.

Как-то возвращались мы из леса с дядей Сашей. У околицы пригласил он нас к себе отведать «телячьих потрохов». «Телячи так телячи», — решили мы и дружно направились к дому Петровых. Но, к нашему удивлению, дядя Саша попросил сначала разобрать эти «телячи потроха». Ими оказались грибы, невзрачные, на настоящие совсем не похожие. Не раз попа-

дались они в лесу, но мало кто знал, что эти бесформенные, все в извилинах шляпки не что иное, как строчки.

Многое открылось тогда всем нам. Первые весенние грибы! Здесь настоящий и конический сморчок и обыкновенный строчок. Все они полезные дары леса. Из-за глубоких борозд, которыми изрезаны их шляпки, получили грибы название сумча-

тых. А собирать их можно с апреля по май, когда не так уж и богат на яства Берендей. Правда, конический сморчок рекордсмен среди своих собратьев. И поздним летом, и осенью одарит он грибников весомым лукошком.

Т. Голованова

На фото: сморчок настоящий.



# ПЕСНИ ЛАЗОРОВОЙ СТЕПИ

(К 70-летию со дня рождения М. А. Шолохова)

Трудно найти человека, который не испытал бы необыкновенного обаяния шолоховской прозы. Многим из нас никогда не доводилось встречать летние зори на Дону и вдыхать пьянящий аромат напоенных росами степей, но каждое творческое откровение этого большого художника дарит нам огромную радость встречи с донскими просторами, их пряными, обрызганными солнцем травами и терпкими манящими запахами. Вдохновенный поэт родной земли, Шолохов бережно доносит до нас ее то задумчиво-тихую, то ликующе-радостную музыку, и мы вместе с ним чутко вслушиваемся в глубокое дыхание разбухенной звенящим апрелем степи и проникаемся ее жизнью, полной своих никем не разгаданных тайн:

«Казакует по родимой степи восточный ветер. Лога позанесло снегом. Падины и яры сровняло. Нет ни дорог, ни тропок. Кругом, наперекрест, прилизанная ветрами, белая голая равнина. Будто мертва степь. Изредка пролетит в вышине ворон, древний, как эта степь, как курган над летником в снежной шапке с бобровой княжеской опушкой чернобыла...»

Но под снегом все же живет степь. Там, где, как замерзшие волны, бугрится серебряная от снега пахота, где мертвой зыбью лежит заборонованная с осени земля, — там, вцепившись в почву жадными, живучими корнями, лежит поваленное морозом озимое жито. Шелковисто-зеленое, все в слезинках застывшей росы, оно зябко жметя к хрушкому чернозему, кормится его живительной черной кровью и ждет весны, солнца, чтобы встать, ломая стаявший паутинно-тонкий алмазный наст, чтобы буйно зазеленеть в мае. И оно встанет, выждав время! Будут биться в нем перепела, будет звенеть над ним

апрельский жаворонок. И так же будет светить ему солнце, и тот же будет баюкать его ветер. До поры, пока вызревший, полнозерный колос, мятый ливнями и лютыми ветрами, не поникнет усатой головой, не ляжет под косой хозяина и покорно уронит на току литые, тяжеловесные зерна».

Много лихих казачьих песен сложено о лазоревой степи, свободно раскинувшейся в прозрачных зовущих даях, много старых и по сей день не заросших ковылем ран хранит ее усталая, но щедрая земля, и волнует она, как живой участник истории своего народа с его сложной, нелегкой судьбой.

Давно отполыхали пожары гражданской войны, опалившие звонкие донские степи, для многих уже стала легендой славная революционная юность наших дедов и прадедов, которые на своих плечах вынесли трудности первых лет Советской власти. Но раскроешь страницы книг Михаила Шолохова — и обожжет сердце жарким ветром того далекого тревожного времени. Истоки творчества этого самобытного советского писателя ведут к тем годам, когда привольные казачьи станицы Дона пробуждались для новой светлой жизни, рожденной в суровой борьбе, память о которой свято хранит знойная казачья степь:

«Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу... Низко кланя-

юсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!»

Глубокая верность правде — вот что делает время бессильным перед молодостью всегда живых и дорогих для нас шолоховских героев, потому что судьбы их — это живая волнуемая летопись сложного человеческого пути к счастливому сегодня, о котором так тосковали люди в те дальние годы, когда коммунисты поднимали первые колхозы, ценой своей жизни расплачиваясь за каждую вспаханную колхозную борозду. За наше сегодняшнее счастье погибли отцы и братья, со школьной парты шагнувшие в огненные окопы Великой Отечественной войны.

Тридцать лет назад отшумели майские грозы 1945 года. Родилось новое поколение, не знающее войны. Но живут еще на земле матери, которые и по сей день ждут не вернувшихся с фронта сыновей. И «не только во сне плачут поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они наяву». И каждой весной жадно тянутся к солнцу израненные беспощадным огнем деревья — безмолвные свидетели кровавых сражений.

«На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем артиллерии... Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцевиито-клейких листьях...»

На провесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весною дивно ожила и покрылась свежей листвою. И до сегодняшнего дня, навер-



23

ное, нижние ветви искаленного дуба купаются в текущей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...»

Наше время живет новыми радостями и заботами, но неугасима память человеческих сердец. И мы снова и снова обращаемся к незабываемому творческому наследию Михаила Шолохова и, с волнением припадая к этому неисчерпаемому источнику поэзии и правды, вновь и вновь вдыхаем неповторимый аромат родной нам лазоревой степи. Звонкие ее песни, прославляющие доброту человеческих рук и сердец, зовут к новым высоким свершениям, путь к которым открыл людям Великий Октябрь.

Л. Сандерова  
Фото В. Шамова



## КУКУШКИНЫ ЗАБОТЫ

Фото Н. Бохонова

Много удивительного в мире птиц. И быть может, одна из самых интересных загадок — это жизнь кукушки. Раз и навсегда отказавшись она от забот о собственном потомстве и подбрасывает свои яйца в чужие гнезда. И не от недостатка внимания к этой птице в наших представлениях о ней еще так много пробелов. Кукушка очень осторожна: она выбирает самые совершенные с точки зрения птичьей конспирации гнезда и в них откладывает свои яйца. Поэтому даже те, кто занимается изучением биологии этой птицы, находят только незначительную часть отложенных ею яиц. И еще меньше на свете людей, которые видели бы, как она это делает.

Прошедшим летом случайность, которая с равнодушной жестокостью может лишит натуралиста интересного наблюдения, подарила нам несколько счастливейших часов, проведенных в обществе кукушки, поглощенной стремлением отложить яйцо в гнездо лугового чекана. И нам удалось подсмотреть, как она это делает.

На фото: кукушонок.

Это было 6 июня. Место действия — луг, пересеченный многочисленными канавками, поросшими молодыми сосенками. С трех сторон наступает лес, а с четвертой в предвечерней дымке угадывается озеро. Широкая дорога с глубокими колеями делит луг на две части. Пять часов вечера. Все спокойно в мерном угасании дня. В небе поют жаворонки, от озера доносится щелканье кнута. Но вот справа от нас на краю поляны раздаются тревожные птичьи голоса: несколько пар луговых чеканов и коньков с тревожным криком выются над самой землей. Затем из густых зарослей травы поднимается кукушка и лениво летит через дорогу, почти касаясь низкорослых кустиков, разбросанных по лугу. И вся неистово кричащая стайка птиц устремляется за ней. Кукушка летит тяжело, как бы нехотя, и вскоре опускается в траву. Потрясенная своими преследователями, она еще несколько раз пытается от них отделиться: то полетит в одну сторону, то в другую. Но маленькие птички неизменно собираются над ее головой, оглашая луг громкими тревожными голосами.

Через некоторое время в игру вступает еще одно действующее лицо: из леса появляется самец кукушки. Он пересекает луг и держит путь к стайке мелких птичек. Еще не долетев до них, он начинает вполголоса кричать свое «ку-ку». Пролетая над притаившейся в траве самкой, он замедляет полет и еще раз повторяет «ку-ку». Странный это звук. Кажется, он раздается откуда-то издалека, так мягко и приглушенно он звучит. Самец, видно, задался целью отвлечь внимание птиц на себя, но при этом он старается не испугать маленьких птичек. Чеканы, усмотрев в нем главную опасность, бросают на произвол судьбы притихшую в зарослях кукушку и устремляются вслед за ее партнером. Громко крича, они преследуют его до самого леса, где он, замолчав, скрывается.

Проходит какое-то время — и воинственно настроенные чеканы проносятся над нашими головами и снова собираются над кукушкой. Самец еще несколько раз продвигает этот отвлекающий маневр. Судя по голосам, в этой игре участвуют двое. Возможно, самцы летают по очереди. Однако самка никак не использует ситуацию, предложенную партнерами: видимо, яйцо еще не готово к откладке, и она просто тянет время. А что касается самцов, то в сложном подготовительном ритуале им отведена эта роль — отвлекателей, и они исполняют ее с примерным усердием.

Когда мы начали наблюдать за кукушкой, нам казалось, что птица ведет себя очень странно: непонятно, зачем она перелетает с одного конца луга на другой. Высказывались даже предположения, что птица таким способом разыскивает гнездо. Но вскоре кукушка меняет тактику: теперь она медленно передвигается по земле вдоль одной из канавок, затем не спеша перебирается в соседнюю, подолгу замирает на одном месте и снова продолжает свой неспешный путь. Это медленное и, казалось бы, бесцельное передвижение продолжается уже два часа. Все время ее неотступно сопровождают птицы. Когда они подлетают к ней слишком близко, кукушка небрежно отмахивается от них крылом и делает ложные выпады головой, широко открывая клюв ярко-оранжевый внутри.

Удивительно, что осторожная кукушка и маленькие чеканы, тоже не склонные выдавать свои секреты человеку, теперь озабочены одним стремлением: кукушка — подложить яйцо, а чеканы — помешать ей в этом. Птицы совершенно не обращают на нас внимания, хотя мы (пять человек) держимся в нескольких шагах от них и наблюдаем завязку птичьей трагедии в мельчайших деталях. Птицы ведут себя так, будто весь мир для них ограничен тихим лугом, а единственная опасность, которая

им угрожает, исходит от медлительной кукушки, засевавшей в траве, и двух ее коварных партнеров.

А в это время щелканье кнута раздается совсем близко, и, поднимая дорожную пыль, из-за леса выходит стадо коров с черным быком впереди. Шестые замыкают пастух и маленький мальчик с хворостинкой. Поравнявшись с нами, бык окидывает нас неодобрительным взглядом и, круто повернувшись, направляется в нашу сторону. Сначала он идет неторопливо, затем набирает скорость и даже издает какие-то низкие рокочущие звуки. Мы разбегаемся в разные стороны, сопровождая свое отступление полувеселыми, полуниспуганными возгласами. Бык не спеша трусит то за одним, то за другим из нас, явно затрудняясь в выборе. За ним бежит маленький мальчик, бросаая на ходу успокоительные замечания в наш адрес и укоризненные в адрес быка.

Но даже этот вставной номер не отвлекает птиц от их дел: когда все успокаивается и мы возвращаемся на наблюдательные пункты, кукушка продолжает прятаться в траве, а птички виться над ее головой. К восьми часам вечера крикливая стайка защитников гнезда заметно редет, и, наконец, кукушка остается наедине с одной парой луговых чеканов.

В это время самый наблюдательный из нас замечает гнездо чекана. Оно располагается в одной из канавок в круглом углублении в земле. Сверху над ним свешивается пучок травы, и потому его совсем не видно. В гнезде лежат два ярко-голубых яйца. Полная кладка у чеканов 5—6 яиц. Все, что мы наблюдали в течение последнего часа, разыгрывалось метрах в десяти от этого гнезда. И то, что мы принимали за бесцельное блуждание по лугу или за беспорядочные поиски гнезда, было на самом деле своеобразной тактикой. Кукушка высмотрела гнездо заранее и прилетела во второй половине дня, потому что именно в это время она чаще всего подкладывает свои яйца.

Начинался самый ответственный момент. Затанув дыхание мы стояли шагах в пяти от того места, где птичья драма вступала в свою решающую фазу. Пара чеканов сидела на сухой веточке в метре от своего гнезда и издавала отрывистые тревожные крики, повернувшись головой к кукушке, которая теперь уже почти ползла по земле, приближаясь к цели. Но и теперь она не торопилась, хотя путь ее стал более прямым; она надолго замирала на месте, будто ожидая чего-то. В половине девятого чеканы умолкли. Они все еще сидели на

(Окончание см. на стр. 56)



**На** склоне Кумердак одного из хребтов Южного Урала берет начало Большой Инзер, одна из многих башкирских рек.

Тесно прижатый скалами, бешено несется он вниз, огибая многочисленные хребты, делая резкие повороты. Подводные и надводные камни, перекаты, мелкие каменные осыпи — все это попадает на пути Инзеру, и все это отражается на его и без того строптивом горном характере. Но иногда горы расступаются перед рекой, и тогда к воде полого спускается луг с высокой, в пояс травой.

Малый Инзер, приток Большого, тоже мчится по узкому каньону, который часто загромождают огромные камни, извивается между хребтами, с ревом падая вниз, образуя порой миниатюрные водопады. И только в предуральской равнине он успокаивается, становится полноводным и величавым.

**Кавказский заповедник** раскинулся в горах. Состоит он в основном из Главного Кавказского хребта и Передового, расположенного севернее.

В мае заповедник преобразается. Бук, граб, клен, дуб одеваются в зеленый наряд, светятся ярко-желтыми цветами заросли азалии, нежно-сиреневыми облаками кажутся соцветия понтийского рододендрона, цветут дикие яблони и груши. А на склонах хребтов нередко можно встретить кабанов, пятнистых оленей и диких зубров.



**М**

оре это плещет в крепкую грудь плотины. Набежит волна, ударится о бетонную громадину и стихнет, выбросив к небу радужный каскад брызг. Старожилы и новоселы Братска с гордостью называют его своим морем. И это по праву, ведь почти каждый житель молодого сибирского города строил плотину и электростанцию, укрощал Ангару. Теперь бороздят море катера и яхты, разносятся над окрестной тайгой гудки самоходных барж и теплоходов, и летом на песчаных пляжах, будто где-то на юге, подчас не хватает мест. Братское море! Братская ГЭС! Ее плотина усмирила капризную Ангару, заставила вращать лопасти турбин, и там, где шумели когда-то глухие таежные чащобы, раскинулась широкая водная гладь. Легенды и песни сложили о строителях Братска, создавших красавицу ГЭС.

Действительно прекрасна ее плотина! Ажурная, легкая, она кажется невесомой, и невольно удивишься, как ухитряется она усмирять бег бешеных вод. А пройдешь поверху на другой берег, остановишься посередине, вглядываясь в клокучие волны, и припомнятся те знаменитые дни, когда вся страна жила этой грандиозной стройкой. Первые палатки новоселов, первые взрывы на месте будущего котлована и первые подвиги комсомольских бригад, отчаянных, мужественных парней, приехавших сюда по зову сердца. Это они доказывали делом правильность пророческих ломоносовских слов: «Могущество России будет прирастать Сибирью!»

Братск передал эстафету Усть-Илиму. И там разбудили тайгу раскаты мирных взрывов, всполохи электросварки, тяжелые всплески бетонных глыб, падающих на дно реки. И здесь уже крутят Ангару турбины новой ГЭС.

По праву называют сегодня Сибирь необозримой строительной площадкой. По-ударному четок ее рабочий ритм на Енисее, в Саянах неподалеку от Шушенского, на топ-

ких болотистых просторах Тюменской тайги и, конечно же, на будущих трассах Байкало-Амурской магистрали, железной дороги, которая прорежет безлюдные пока края, протянется на 3200 километров до Тихого океана.

Грандиозен замысел нового стального пути. Судите сами. От Лены до Байкала, дальше на Чару, Тынду, Зейск, оттуда на Ургал, через хребет Дуссе-Алинь с выходом у Комсомольска-на-Амуре. Как призывно звучали когда-то слова «Братская ГЭС», так волнующе произносим мы сегодня короткое, словно выстрел, слово «БАМ». И как когда-то ехали на берега Ангары комсомольские отряды, так сегодня едут со всех концов страны добровольцы на строительство второй сибирской магистрали. Им по плечу любые ответственные задачи. И когда валят они в тайге деревья, прокладывая пророчества некоторых дореволюционных публицистов. Жестоко ошиблись те, называя Сибирь «транзитной пустыней, безнадежной для культуры». Нет, пройдет восемь-девять лет, и ее безбрежные просторы прорежет еще одна магистраль, повиснет в воздухе эхо электровозных гудков, покатаются по туннелям, пробитым в толще хребтов, и под тяжестью большегрузных составов будут подрагивать пролеты многочисленных железнодорожных мостов. А вокруг магистрали встанут новые города и поселки, поднимутся рудники и шахты, чтобы взять щедрые богатства восточносибирской земли.

Восемь-девять лет! Как мало это для истории. И те комсомольцы, что сегодня приехали в Звездный или Тынду, работают на нее, преумножая славу Страны Советов, которой по плечу любые великие планы.



Фото Р. Папикяна  
и С. Плешакова

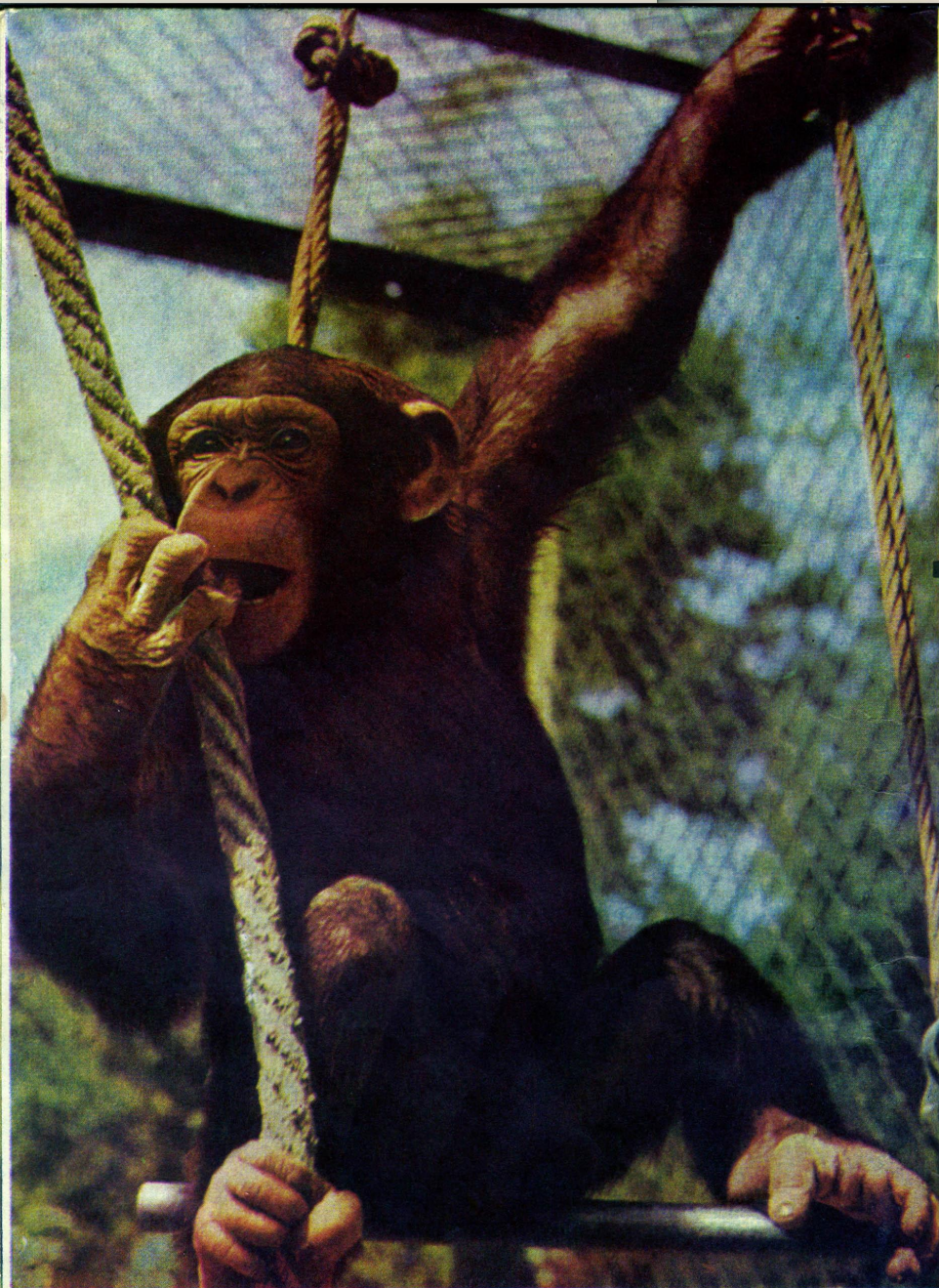


Яркую, одетую в зелено-голубой наряд вилхвостую сизоворонку издали заметишь среди выжженной солнцем африканской саванны. Обычно она сидит на ветке дерева. По земле эта птица ходит неуклюже. Но ходить ей все же приходится, ведь основная пища сизоворонки — жуки, кузнечики, саранча.



Вилхвостая сизоворонка очень похожа на обыкновенную, которая живет и в Европе, и в Азии, и в Северо-Западной Африке. Только у нее сильно удлинены крайние рулевые перья, розовато-фиолетовое горло да белая полоска над глазом. Когда сизоворонка летит, она вся переливается зелеными, голубыми и розоватыми тонами.





## ОБЕЗЬЯНЫ ЕДУТ В ЭКСПЕДИЦИЮ

Наш общий дом — планета Земля так повернута к солнцу, что в то время, когда в северное полушарие приходит лето, в южном наступает зима.

Лето, несомненно, лучшее время года. Вот почему многие животные привыкли отправляться в далекие путешествия, стараясь избежать трудностей зимы. Бабочки, птицы, рыбы, тюлени, киты совершают ежегодные кочевки на многие сотни, а нередко и тысячи километров. Четвероногим существам такие дальние переходы не под силу. Впрочем, олени, зебры, слоны тоже совершают немалые прогулки.

Когда был изобретен транспорт, животные стали путешествовать не только по своей воле. Отправляясь за тридевять земель, люди привозили из заморских стран для зверинцев и зоопарков экзотических зверей.

Сейчас такое переселение уже никого не удивляет. В последние десятилетия началась перемещения животных в обратном направлении. Все чаще звери, родившиеся и выросшие в зоопарках, отправляются на жительство на свою старую родину, где животный мир оскудел. Львы и человекообразные обезьяны — шимпанзе, зубры, олени, бобры вновь обживают места, где когда-то обитали их предки.

Нередко животные совершают деловые командировки. Французские и американские физиологи осуществляют совместное изучение мозга животных. Кошку подготавливают к эксперименту в Чикаго. Затем ее сажают в самолет, и через восемь часов опыт продолжается в Париже. В общем, животные с каждым годом становятся все большими и большими непоседами. К их дальним поездкам мы давно привыкли, и все же путешествия ленинградских обезьян кому угодно могут показаться удивительными. Уже несколько лет подряд с наступлением теплого времени года группа шимпанзе отправляется в научную экспедицию.

Вероятно, подавляющее большинство читателей знает о существовании в Колтушах под Ленинградом научно-исследовательского института. Его создало Советское правительство еще в годы послереволюционной разрухи.

Колтуши — всемирно признанная столица условных рефлексов. Под руководством выдающегося физиолога академика И. П. Павлова здесь развернулись исследования по изучению физиологии мозга, его высших функций — психической деятельности. В лабораториях института по-

явились самые различные животные. Не обошли и обезьян. Ученые поставили задачу выяснить, как развивались умственные способности животных. Эта работа проводилась не из простого интереса к нашим четвероногим друзьям. Изучение развития мозга животных — наиболее прямой и доступный способ проникнуть в тайны работы человеческого мозга.

В 1934 году в Колтуши впервые привезли шимпанзе Розу и Рафаэля. Иван Петрович сам руководил исследованиями и постоянно участвовал в опытах с человекообразными обезьянами. Это позволило И. П. Павлову выяснить много нового о работе мозга высших животных, развеять мифы идеалистически настроенных психологов. С тех пор в Колтушинском институте всегда много внимания уделяют изучению обезьян. В последние годы этой работой руководит талантливый физиолог профессор Леонид Александрович Фирсов.

Несколько лет назад в его лаборатории появились маленькие шимпанзе — шаловливые, забавные обезьяны. В изучении детенышей существует глубокий смысл. Наблюдая, как умнеют малыши подрастая, можно узнать много тайн о работе мозга.

Несколько лет назад Леонид Александрович задумал дерзкий эксперимент. Каждый год с наступлением тепла клетки с шимпанзятами грузят на машину, и обезьяны отправляются в экспедицию. Продолав путь в несколько сот километров, они добираются до озерно-лесного края Псковской области. Здесь на берегу красивого лесного озера машина останавливается, и клетки с малышами переправляют на остров. Обезьян выпускают и оставляют на все лето. Лишь с наступлением осеннего ненастья шимпанзе отправляются к себе домой, в Колтуши.

Какова же цель столь странного эксперимента?

Перед учеными стоят две задачи. Во-первых, изучить подлинное поведение животных, не искаженное жизнью в клетке. Как известно, каждое живое существо наделено большим набором врожденных рефлексов и инстинктов, без них оно просто не смогло бы существовать. В неволе многие инстинкты не проявляются. Об их существовании иногда даже невозможно догадаться.

Каждое живое существо следует изучать в привычной для него обстановке. Посадив в глиняный горшок косточку от съеденного финика и вырастив на окне жалкий и пыльный росток, мы никогда не

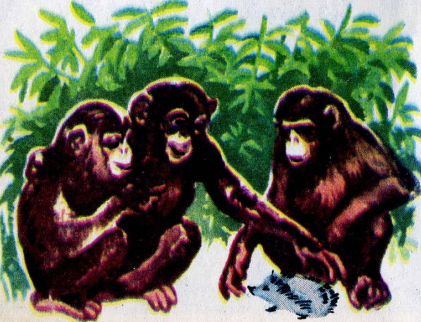


узнаем, как выглядит взрослая финиковая пальма. Так и с обезьянами. Чтобы узнать о них все, одних наблюдений в неволе недостаточно.

Вторая задача — выяснить, можно ли шимпанзе акклиматизировать у нас на севере, хотя бы в летнюю пору.

На свете остается все меньше обезьян, а они с каждым годом становятся все нужнее людям, чтобы на них учиться лечить наиболее тяжелые болезни человека, испытывать новые медикаменты. Сейчас всем совершенно ясно, что продолжать отлавливать шимпанзе в природе больше нельзя. Человекообразных обезьян необходимо разводить в неволе. А удастся ли этого добиться в нашей стране, и не в Ашхабаде или Сухуми, а под Москвой и Ленинградом? Обезьянья экспедиция должна была ответить и на этот вопрос.

Результаты проведенного эксперимента оказались поистине поразительными. Конечно, профессор Фирсов хорошо знал своих питомцев, надеялся, что они сумеют приспособиться к жизни в наших северных лесах. Но вряд ли кто-нибудь из ученых допускал, что изнеженные жители тропиков, которые так часто болеют, живя в клетках, безнаказанно перенесут и дождь, и ветер, и холодные ночи.



Шимпанзят было пять: Бой, Тарасик, Сильва, Гамма и Чита. Самый старший из них — Бой, самая маленькая — Чита. Через несколько дней, выяснив свои взаимоотношения с Тарасиком, Бой занял главенствующее положение в обезьяньем коллективе и, как подобает каждому вожаку, взял на себя охрану и руководство своего немногочисленного стада.

Когда обезьян впервые выпустили на остров, их теплые транспортные ящики-клетки оставили здесь же под деревьями, чтобы малышам было где укрыться. Однако шимпанзята не захотели воспользоваться привычной спальней. Оказалось, они прекрасно умеют строить гнезда, как это и полагается им делать на воле. Каждый день с приближением вечера обезьяны готовили себе новое гнездо. Причем, и это было неожиданным, для постройки собственного дома малышам приходилось тратиться всего несколько минут.

Строили они гнезда высоко в кронах деревьев среди тонких ветвей. Если бы на острове водились леопарды, они были бы не страшны обезьянам. Тонкие ветви вряд ли бы выдержали тяжесть хищника. Во всяком случае, дом заходил бы ходуном. Незаметно подкрасться к спящим шимпанзе крупному зверю невозможно, ну а мелкие для них не представляют серьезной опасности.

Никто не ожидал, что обезьяньи домики, построенные из листьев и веток, окажутся теплыми. Когда с приближением осени температура воздуха стала по ночам опускаться до плюс 6 градусов и экспериментаторы мерзли в своей палатке под грудой одеял и всякой одежды, малыши прекрасно спали в легких дачных постройках. Пришлось экспериментаторам залезть на деревья и изучить микроклимат обезьяньих жилищ. Термометры показали, что в гнездах обезьян тепло и малыши действительно не мерзнут.

От холода страдал лишь Бой. Хотя он и был среди обезьян самым старшим, более опытным и пользовался у них авторитетом, строить гнезд Бой не умел. Его увезли из Африки совсем маленьким. Безусловно, ему приходилось видеть, как сооружают гнезда его мать или другие обезьяны, но в то время он был так мал, что не сумел этому научиться. В этом, конечно, нет ничего удивительного. Может лишь показаться странным, что Бой не подучился у товарищей. А ведь они, даже малютка Чита, легко справлялись со строительством гнезда. Бою же приходилось, ухватившись за сучья или обхватив всеми четырьмя лапами ствол дерева, долгую ночь балансировать на ветке, ежеминутно рискуя сорваться.

Особенно плохо пришлось Бою, когда но-

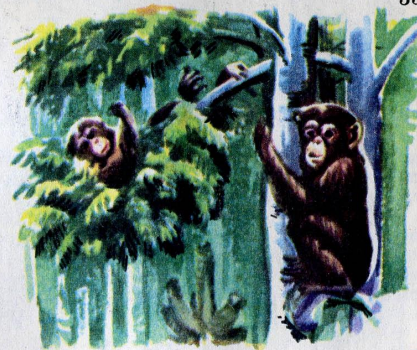
чи стали совсем холодными. Он даже оставил товарищей и попытался согреться, забившись в угол транспортной клетки. Вряд ли ему там показалось уютно. Ведь на воле шимпанзе никогда не спят на земле.

Не сочтите, что Бой оказался слишком ленивым и не хотел учиться. В жизни каждого существа бывают определенные периоды — свой «календарь», — особенно благоприятные для обучения. Есть они и у человека. Если детеныши не обучились вовремя, восполнить пробел уже не удастся. Только что вылупившись из яйца, утята и гусята в течение первых двух дней учатся узнавать свою мать. Если это время упущено, утенок уже никогда не сможет разобраться, к кому он сам относится — к уткам, курам или другим существам. Цыпленок за первые шесть дней жизни должен научиться узнавать голос своей матери. Если уроки отложить на более позднее время, он никогда не сможет отличить призывный крик своей матери от голосов других кур.

Ребенок учится говорить в первые шесть лет жизни. Попробуйте в это время лишить его возможности слышать человеческую речь, и он уже никогда не овладеет языком. Видимо, и для обучения строительству гнезд тоже есть свой период. Бой его пропустил, и он уже не сможет передать своим детям строительных навыков. Его потомки, оказавшись на воле, будут, как и он, в весьма затруднительном положении. Выходит, если разводить шимпанзе в клетках, они утратят много присущих им навыков.

Шимпанзят немного подкармливали только в самые первые дни. Затем им, кроме витаминов, ничего не давали. Малыши вынуждены были самостоятельно учиться находить для себя корм. Но что они могли есть на острове? Фрукты в наших северных лесах не растут, а ягоды и грибы еще не поспели. Как оказалось, наша средняя русская природа достаточно богата и может обеспечить обезьян всем необходимым. Тщательные наблюдения показали, что малыши не голодали. Они ели листья, молодые побеги, траву, сдирали кору с некоторых деревьев и находили под ней нежный и сладкий ростовой слой древесины. Ну а когда поспела малина и земляника, собирали вкусные ягоды.

Перед началом эксперимента ученых волновал вопрос, сумеют ли обезьяны разобраться, что в лесу съедобно, а чего брать в рот не следует. Мало того, что шимпанзята в наших лесах никогда не бывали, они и джунгли покинули так давно, что, возможно, и на родине не смогли бы обеспечить себя пропитанием. Как видите, обезьяны успешно справились с продовольственной проблемой. Самое интерес-



ное, что у них обнаружилось особое чутье. Шимпанзята как-то сразу определяли, что съедобно, а что нет, и никогда не брали в рот ничего ядовитого. А ведь таких растений в Псковской области немало.

Впрочем, и на воле обезьян никто не учит искать съедобные растения. Маленькие обезьянки первые месяцы жизни питаются только материнским молоком, а когда немного подрастут, начинают все без разбора тащить себе в рот, пробовать на зубок. Так постепенно, путем проб и ошибок познают они тайны лесной кулиарии.

Очень много интересного узнали исследователи, бродя по лесу в компании обезьян. Весь день экспериментаторы проводили вместе с животными, только на ночь уходили к себе в палатку.

Давно известно, что обезьяны умеют пользоваться примитивными орудиями: палкой, камнем, куском гибкой проволоки. Палкой шимпанзе сбивают с дерева фрукты или подкатывают к себе яблоко, когда не могут до него дотянуться. Камнем разбивают особенно твердый орех или бросают его в хищника.

Обезьяны умеют и сами создавать орудия. Если им дать только что сорванную ветвь дерева, они оборвут с нее листья и мелкие веточки, чтобы было удобнее его



пользоваться, а когда необходимо, то снимают и кору. Виток проволоки распрямят, загнут конец коcherгой и будут пытаться через решетку достать фрукты, которые экспериментатор специально положил так, чтобы до них нельзя было дотянуться рукой. Шимпанзе способны вставить конец палки в отверстие трубки, а если палка слишком толста, обкусывают конец.

Ученым было интересно проследить, как обезьяны изготавливают орудия и пользуются ими в девственном лесу, где нет ни трубок, ни мотков проволоки, зато вдоволь разных веток, ни одна из которых не похожа на другую.

Орудия обезьян совсем несложные. Что может быть проще палки? Взял ее в руки, сшиб яблоко, на ниточке подвешенное к потолку. Но, оказывается, для этого надо сначала стать взрослым и долго и упорно учиться. Только в четыре года шимпанзята начинают пользоваться орудиями. Всему свое время! Годовалый ребенок тоже не умеет пользоваться палкой, а научить читать и писать детей редко удается раньше 5—6 лет.

Обезьяны постепенно овладевают искусством изготовления орудий. Когда шимпанзе нужна палка, чтобы что-нибудь достать, она не станет выламывать свежую ветвь. С ней слишком много возни. Ее и отломить не так просто, да и чтобы удалить все мелкие веточки, приходится немало потрудиться, а палка все равно получается неудобной. Кроме того, живая ветвь слишком тяжела. Другое дело сухие ветви. Их и отломить нетрудно, и обрабатывать совсем не нужно, и орудие получается удобным, легким. А вот если речь идет об обороне, то больше подходят ветвь или сук потяжелее.

Когда обезьяны вернулись в Ленинград из своей первой научной экспедиции, я спросил профессора Фирсова, не боялся ли он, что, прослышав о столь удивительном событии, мальчишки со всех окрестных деревень будут стекаться к обезьянам в гости, принося им угощение, подарки, и вместо научных исследований ему придется воевать с непрошеными посетителями. «А вы приезжайте летом, — улыбнувшись в ответ, пригласил ученый, — сами увидите, как у нас обстоят дела».

Охранять обезьян во время экспедиции от любознательных посетителей не приходится. На лесном озере ни лодок, ни плотов нет, и добраться до него трудно. Впрочем, появившись здесь посторонний человек, ему не поздоровилось бы. Незваного гостя пришлось бы самого спастись от нападения обезьян. Отдаленный остров был выбран местом экспедиции не потому, что обезьяны здесь не смогут уйти далеко от палатки ученых (шимпанзе плавать не умеют и

глубже, чем по шиколотку, в воду не входят), а главным образом чтобы предотвратить их нападение на случайного прохожего, грибника или ягодника.

У шимпанзе, даже живущих в клетках, постепенно формируется коллектив. На воле они всегда живут небольшими стадами или семьями, беспрекословно подчиняясь вожаку, самой сильной и опытной обезьяне. Вожак водит свое стадо, находит места с особенно вкусным кормом, охраняет своих подопечных и руководит ими при нападении хищников.

Из выпущенных на остров шимпанзята очень быстро сформировалось стадо. Обезьяны проводили весь день вместе, странствуя по острову под предводительством Боя. Вместе ели, вместе спали. Старшие «выясняли взаимоотношения» с каждым новым для них существом — белочкой, ежом, зайчиком. Попадись им на пути хозяин леса — медведь, думаю, что и ему бы не поздоровилось.

Обычно на воле обезьяны на человека никогда не нападают. Жизнь в неволе накладывает на животных определенный отпечаток. Прожив среди людей год или два, они перестают нас бояться. Чтобы убедиться в этом, ученые провели специальный эксперимент. Один из них переоделся в резиновый комбинезон, закрыл лицо и стал совершенно неизвестным. Старшие шимпанзята, вооружившись палками, тотчас напали на «незнакомца», и ему пришлось отступить подальше в воду, куда не долетали дубинки, которыми ловко действовали четверорукие агрессоры.

У обезьян хорошая память. Они знают в лицо каждого экспериментатора и, считая их членами своей стаи, не проявляют по отношению к ним агрессии. Совсем другое дело посторонний человек. У расшарившей обезьяны достаточно сил, чтобы не только покалечить, но и убить человека. С проблемой безопасности людей уже не раз пришлось столкнуться ученым, когда они пытались переселить шимпанзе из зоопарков на их родину.

Много ценных сведений о жизни шимпанзе получили исследователи. Обезьянам эти экспедиции тоже очень понравились. Всю долгую зиму они с нетерпением ждут наступления лета. Каждый день, проснувшись утром, малыши первым делом смотрят в окно — не растаял ли уже этот противный снег, не пора ли складывать пожитки и собираться в дорогу. Апельсины, компот и сладкая рисовая каша, конечно, гораздо вкуснее какой-то там травы и листьев, зато в лесу так интересно. Скорее бы, скорее лето!

Б. Федоров  
Рис. Е. Скрынникова



## Ж И В О Й Д О М

Наш лес начинается сразу за городом. Я помню и люблю его с тех пор, как начал помнить себя. Отец иногда брал меня гулять по лесной дороге, которая вела куда-то в самую глушь. Чем дальше, тем лес становился гуще, темнее.

Но вот началась Великая Отечественная война. В городе не хватало топлива, и почти все деревья в нашем лесу срубили. Меня, как и всех ребят, эвакуировали. Домой я вернулся, когда война уже кончилась, и прямо не узнал родных мест. Кругом стало как-то просторно, неуютно. Там, где темнела привычная стена леса, торчали пеньки.

Весной, как только растаял снег, мы всей школой отправились в наш лес сажать маленькие деревца. В то время рабочих рук

не хватало, вот лесничий и попросил нас помочь. Сажали мы елочки и сосенки. Сначала лесничий показал нам, как это делается, сам посадил несколько деревьев. А потом только смотрел за нами, чтобы сажали по всем правилам. Работали с охотой, но не подолгу, пока не надоест. Тогда лесничий усаживался на высокий пенек и рассказывал о том, как живут деревья в лесу и как надо их выращивать.

Оказалось, что в некоторых местах лес обошелся без нас. Уцелевшие деревья сами рассеяли свои семена. Правда, не везде семечкам удалось зацепиться за землю и прорасти. Мешала разная сорная трава: она затянула почву густой дерниной, сквозь которую крошечные семечки не могли пробиться. Только на сухих песчаных почвах

никто не хотел селиться. Этим и воспользовалась сосна. Она может жить и на бедных сухих песках, добывает себе необходимую влагу, а солнца сосна не боится. Чем оно ярче, тем лучше. Сосна устроилась и на торфяном болоте, только здесь она свои корни не запустила вглубь, а растопырила по самой поверхности.

У ели другие повадки. Она на сухих почвах жить не любит, зато не боится тени, может расти под пологом других деревьев. Некоторые еловые семечки ветер принес в молодой березнячок. Там и травы почти нет и солнце не так печет. И стали жить елочки под березками.

Березки молодцы, не боятся ни солнца, ни холода, на любой почве будут жить, только бы света побольше. Семена у них далеко разлетаются по ветру. Конечно, в густой траве и им трудно к земле пробиться. Но вот тракторист проехал краем луга, процарапал дернину — и сразу здесь появилась густая щетка березового самосева.

Осина устроилась по-своему. Когда срубил старый лес, во многих местах откуда ни возьмись появилась поросль осины. Ее корни расходятся широко и дремают в земле многие десятки лет, пока им темно и холодно. Но стоит срубить деревья в лесу — и корни сразу просыпаются. Из спящих почек поднимаются молодые побеги. Среди осинового поросли часто встречаются и маленькые дубки. Они давно проросли из желудей и тоже ждали, пока над ними проглянет солнце. Но только дубки приспособились ждать по-иному. Каждую весну крошечный дубовый росточек распускал на верхушке два листочка. Осенью они опали, а на следующую весну снова распустились. И так из года в год. Правда, осинки очень мешали дубкам, обгоняли их в росте, заслоняли свет.

Деревья всячески старались сохранить свои бывшие владения. И если бы все люди бережно относились к маленьким деревцам, не пришлось бы их сажать вновь. Но мало кто об этом заботился. Один раз на вырубку пустился пасти скоров. Конечно, коровы вместе с травой скусывали и верхинки крохотных березок и осинков. В другой раз стали косить траву и не заметили среди нее маленькых сосенок, скосили и их. Словом, на нашу долю досталось много мест, где уже нельзя было надеяться, что лес вырастет сам собой, надо было его сажать.

Вначале приходилось готовить почву. Пахали трактором, а там, где много старых пней, делали плугом борозды или вручную готовили площадки. Но как живучи сорняки! Со всех сторон подступали они к саженцам, стараясь их заглушить. Приходилось постоянно с ними бороться. Это был враг номер один. Но и другие нашлись.

То здесь, то там подступала вражеская рать, прямо как в сказке о Золотом Петушке. Вдруг появилось множество личинок майского жука. Эти разбойники живут в земле четыре года и все время питаются корнями молодых растений. А корешки сосны, лиственницы, липы для них прямо лакомство. Разве не обидно: так хорошо прижились деревца — и вдруг одно за другим сохнут.

Лесничий посоветовался с учителем биологии, и вот что они задумали: поселить в лесу скворцов. Они выкармливают птенцов жуками и их личинками. Начали операцию «Скворец». Всю зиму ребята готовили дуплянки, потом развешивали их на деревьях и на шестах. Уже в первую весну в нашем лесу загнездились много пар скворцов.

Ну и, конечно, досталось на орехи майским жукам.

Сосна доставила нам немало хлопот. Все посаженные деревья хорошо принялись, дали прирост, и мы уже радовались: будет отличный лес! Но в конце зимы откуда-то пришли лоси и устроили стоянку в сосновых посадках. Видно, сосновая кора, хвоя и побеги для них лакомое блюдо. Как они изуродовали молодые деревца, смотреть было больно. Попробовать прогнать животных — так они снова вернуться. Придумали вот что: осенью надо спилить побольше молодых осинков и оставить их в лесу. Лоси ведь всегда зимой питаются корой осины. Помогло! Животные держались около наших осинков, пока стволы не сделались совсем белыми. Правда, время от времени они наведывались к сосенкам. До сих пор заметны следы их зубов: то ствол искривлен, то вместо прямой стройной верхинки растет канделябр. Но однажды лоси даже оказались нашими помощниками: постригли зубами верхинки осин, которые затеняли дубки.

Мы думали: посадим лес на всех пустующих площадках, и делать будет нечего. Но не тут-то было. То подростим деревьям становилось тесно, и они мешали друг другу, так что их надо было прореживать, то появлялись вредные насекомые, с которыми приходилось бороться, то случался снежок, после которого в лесу полно хлама, то беглый пожар уничтожал на своем пути молодые деревья, и надо было сажать их заново. Вырастить лес, пожалуй, труднее, чем построить дом. Здесь постоянно все меняется. И надо все время что-то дотраивать, подправлять.

Подросли деревца, сомкнулись кронами, и сорняки сами отступили. Но между молодыми деревьями начался спор. Сосна постоянно соперничала с березой — кто кого обгонит. И тут береза стала применять запрещенный прием, принялась охлаждать сосну. Подует ветер — и длинные гибкие



ветки березы начинают хлестать по соседним сосновым верхинкам, сбивают с них всю хвою. Как ни жаль было березок, уж очень они хороши, а те, которые растут близко к соснам, приходилось вырубать.

Елка и липа тихони. Они сидят под пологом других деревьев, довольствуются тем солнечным лучиком, который изредка к ним проникает, а сами держат на уме: как бы вытеснить хозяев, завладеть их территорией. И со временем вытесняют. Не обидно, если елка и липа погубят менее ценные — березу или осину. Но плохо, если ельник или липняк сменяет сосновый бор или дубраву. Вот и приходится постоянно быть начеку, наблюдать за теми событиями, которые происходят в лесу, когда он растет.

А как быстро лес менялся! Вот вместо полевых сорняков под деревьями появились ягодники: в сосняке брусника, в ельнике

черника и земляника, в березняке грибы. И цветы зацвели другие: медуница, купальница, калужница, ландыш. Вместо жаворонка, желтой трясогузки, перепела стали гнездиться славки-черноголовки, зарянки, дрозды, лесные коньки.

С тех пор прошло много лет. Мальчишки и девчонки, которые сажали деревья в нашем лесу, давно уже окончили школу. За их партами теперь сидят другие ребята. Но и они продолжают работать в нашем лесу и даже организовали школьное лесничество. Эти мальчишки и девочки тоже скоро вырастут, а дел в лесу не убавится, потому что пока он растет, пусть хоть сто лет, в нем всегда надо что-то дотраивать и подправлять.

В. Барков, лесовод  
Фото В. Салева



Рис. В. Карабута

— Внимание, Почемучки! Очередное заседание Клуба...

— Позвольте, позвольте, любезнейший Мюнхгаузен.

— Прошу не перебивать меня, ибо я...

— Нет, нет и не уговаривайте. Сегодня я вам не уступлю. Начинаю я,

доктор. Всем ребятам и зверятам известный Айболит. Обстоятельства чрезвычайной важности заставляют меня внести этот беспорядок.

— Да объясните же, наконец, что случилось?

— Вы слышали о редких животных, которых надо охранять? Навный вопрос? Конечно, слышали. А как относитесь к ним Почемучки, позвольте вас спросить?

— Успокойтесь, Айболит. Разве мы не листаем странички «Альбома невиданных зверей»? И разве не вы объявили конкурс на рассказ «Как я помог птице, рыбе, зверушке»?

— Этого мало. Листать альбом — крайне мало для Почемучек, писать, рассказывать — тоже.

— Что же тогда вы предлагаете, Айболит?

— Странный вопрос. Предлагаю защищать животных. Только тот Почемучка, кто постоянно делает это, постоянно принимает участие в охране животных.

— Минуточку, друзья мои, послушайте, что я расскажу вам. Я только что из леса. Жизнь там кипит! Хлопочут у гнезд птицы, кружатся в танцах насекомые, цветы все больше желтого цвета — в золото одеваются. А вот клевер еще не цветет. И правильно делает. Кто его цветы опылять сейчас станет? Шмелей еще нет, а другие насекомые не сумеют. Правда, видел я одного большущего шмеля. Но он совсем другим делом занят — копошится в траве, что-то все ощупывает своими лапками, в земле роется. Это та самая крупная самка, которая одна из всей шмелиной семьи зимовать оставалась. Все мелкие рабочие самки и самцы осенью умерли, а она одна зимовала где-то в укрытии. Теперь у шмелиной самки помощников нет, работает она очень усердно — гнездо надо мхом выложить или травинками, ячейки из воска смастерить. В одну ячейку лички отложить, а в другой оставить запасы медового теста на случай плохой погоды. Да еще все время ячейки приходится ремонтировать — сделаны-то они будут «на скорую руку» — спешить надо вывести большое потомство к моменту цветения клевера.

Усердно трудится шмелиная самка. Только бы не потревожил ее никто — ведь если она погибнет, не будет целой шмелиной семьи. А в некоторых семьях к концу лета бывает до 500 сестер и братьев! И все заняты одним важным делом — опылять цветы.

Только подумал об этом, откуда ни возьмись прибежал мальчик (конечно, он не наш Почемучка) и стал гоняться

за шмелем. Безусловно, я не смог остаться равнодушным, наблюдая эту картину. Остановил озорника и объяснил ему, как плохо он поступает. Но я прочитал «лекцию» только одному мальчику. А может быть, еще есть такие, кто не знает, что шмелей нужно беречь? Как быть?

— Не печальтесь, Паганель. Считаю своим долгом прийти вам на помощь!

— Друзья мои! Если встретите сейчас шмеля, обойдите его стороной, не мешайте ему работать и не помогайте — вы все равно так не сможете. Лучше понаблюдайте за его работой и все, что увидите, запишите в своем дневнике. Отмечайте, где встретили шмеля, среди каких растений, опишите подробно все его действия. Сделайте рисунок — постарайтесь нарисовать шмелиную самку в натуральную величину. А самое главное, всем рассказывайте о том, что шмелей нужно охранять всегда, а весной, когда их всех пересчитать можно, особенно. Подробно напишите нам о своих наблюдениях.

— Bravo, Айболит! А теперь пора листать странички в «Альбоме невиданных зверей». Их приготовил кандидат биологических наук Феликс Борисович Чернявский.

### Толстороги

Путешественник, впервые попавший в горы Сибири, может столкнуться с одним интересным и на первый взгляд загадочным явлением. В самых глухих и труднодоступных местах он вдруг обнаруживает хорошо набитую тропу, которая тянется то по гребню хребта, то вдоль его склона, минуя осыпи и пересекая снежники. Чья же это тропа? Ведь люди почти не заходят в эти дикие и угрюмые высокогорья, а стада домашних северных оленей прогоняют по речным долинам. Можно попробовать пройти по тропе, но вдруг совсем неожиданно она обрывается в непроходимых скалистых кручах. Внимательно присмотревшись, на щебнистой почве замечаем следы чьих-то острых раздвоенных копыт.

Разгадка найдена. Тут проходило стадо снежных баранов. Их еще называют толсторогами, так как головы самцов этих интересных животных украшены тяжелыми, массивными рогами. Из горных копытных только толстороги сумели приспособиться к жизни в заснеженных хребтах северо-востока. Густая и длинная шерсть, толстый слой сала, накапливаемый к осени, выносливость и



неприхотливость к кормам — все это помогает снежным баранам успешно переносить морозную и вьюжную зиму. Необычайно острое зрение, хорошо развитое обоняние и чуткие уши надежно охраняют толсторогов от хищников — волка, рыси и росомахи. При любой опасности животные ищут спасения в неприступных скалах. Они карабкаются по отвесным кручам и прыгают по скалистым уступам с таким же искусством, как дикие козлы и серны — типичные обитатели Альпийских гор.

Толстороги — животные очень осторожные, и наблюдать за ними в природе нелегко. Даже в самых глухих местах они редко подпускают к себе человека ближе, чем на 300—400 метров. Ну а те, кто уже знаком с охотниками, осторожны вдвойне. Стоит им издали заметить людей или даже дым от костра — они тут же уходят подальше от этих мест. Зато молодые животные, особенно когда с ними нет взрослых, доверчивы и любопытны.

В обычной обстановке движения снежных баранов неторопливы. Медленным шагом передвигаются они, когда щиплют траву, подолгу стоят, застыв, как каменные изваяния, или смотрят вниз с вершины горы. Но внезапная опасность преобразует животных. Легкими стремительными прыжками уносятся толстороги по крутым склонам, и только осыпающиеся камни напоминают об исчезнувшем стаде.

На снежных баранов с давних пор охотятся жители тех мест — эвенки, якуты, чукчи. Мясо у них вкусно, питательно, а шкуры теплые и прочные. Но не везде на этого зверя можно охотиться. Там, где численность толсторогов уменьшилась, охота на них запрещена, и животные взяты под надежную охрану советского закона.

— Благодарю вас, Мюнхгаузен, за помощь. А теперь...

— А теперь, Айболит, почему бы Почемучкам не услышать рассказ не только об интересных животных, но и любопытных растениях?

— Какие могут быть возражения? У вас готов подобный рассказ, Мюнхгаузен?

— Не у меня. У Андрея Петровича Нечаева.

### Подводный напкан

Старицу реки Кия близ поселка Перяславка прорезает широкое асфальтированное шоссе Хабаровск — Владивосток. В обе стороны от моста, извиваясь, уходят вдаль два узких водоема со стоячей водой. В поисках сине-зеленой водоросли носток я уже обследовал несколько водоемов, и все безрезультатно. И теперь напоследок решил заглянуть на эту старицу. И вдруг мое внимание привлекли какие-то странные ломатые растения, плавающие по поверхности. Когда пригляделся, узнал их. Это была альдрованда пузырчатая — древнейшее растение. Геологический возраст альдрованды свыше тридцати миллионов лет. В наших местах альдрованда встречается лишь в немногих мелких водоемах, чаще всего плавают у поверхности в старицах, озерах.

Все в этом растении необычно. У альдрованды нет корней. Воду и растворенные вещества она впитывает всей поверхностью тела. Темно-зеленые почковидные листья не более булавочной головки.

Волны гонят альдрованду по протокам, озерам и заливам. Проплывая между листьями, многочисленные водные насекомые, личинки, рачки, дафнии и циклопы задевают за чувствительные щетинки, которые окружают пластинку листа, и попадают в быстро захлопывающийся напкан. И сейчас же альдрованда начинает выделять пепсиноподобные вещества, с помощью которых переваривается добыча.

Так альдрованда очищает воду от многочисленных насекомых, ракообразных и опасных для человека болезнетворных микроскопических организмов.

— Следующую страничку, Айболит, я предлагаю посвятить рассказам о разном отношении людей к животным.

— Не понял. Как это о разном,

Мюнхгаузен? Ведь на этих страничках — слово доброту.

— За доброту мы будем хвалить Почемучек. А жестокость наказывать. Устроим суд над жестокостью. Обвинять будут Почемучки, приславшие нам рассказы о людях, которые не берегут животных.

— О, я надеюсь, таких будет совсем мало. Чаще мы получаем вот такие письма, которые прислали Владимир Михайлович Храбрый и Юля Дормидонтова.



### Перехитрили

Ранним безветренным утром я вышел из палатки и спустился к реке умыться. Стояла тихая теплая погода. Берег величаво нес свои воды. Ни волнения, ни ряби. В этой зеркальной глади отражались редкие лиственницы, стоявшие на берегу, и далекое голубое небо. Нагнувшись, я увидел в воде свое заросшее бородой лицо. И уже хотел было умыться, как на зеркальной глади приметил отражения двух летящих уток. Быстро поднял голову. Над рекой летела пара крохоток. Красивые утки пронеслись почти над самой головой и быстро пошли на посадку в ближайшую протоку. Обрадованный, я бросился к палатке, достал ружье и начал подкрадываться к уткам. Осторожно подошел к месту. Выглянув из-за куста, я увидел на тихой глади воды только два больших расхопившихся круга. Протока сра-

зу же у входа делала крутой поворот, и мне показалось, что утки уплыли туда, почувствовав мое приближение. Разочарованный, поплелся я в лагерь. И, уже отойдя порядочно, услышал, как за моей спиной захлопали крылья. Стрелять было поздно. А утки, благополучно вынырнув из воды, поднялись на крыло и улетели восвояси. И только тогда я вспомнил, что крохали относятся к нырковым уткам. И понял, что никуда они не уплывали с того места, где я видел расхопившиеся круги. Это они нырнули под воду и, поймав там по паре чебаков, поднялись в воздух. А мне теперь ничего не оставалось делать, как любоваться красивым стремительным полетом улетающих на фоне голубого неба птиц. И совсем прошла у меня жалость об упущенной дичи. Наоборот, я был очень доволен происшедшим.

### Путешествие к сайганам

В начале мая прошлого года папа взял меня с собой в Калмыкию на учет сайганов. Мы приехали в город Элисту и пришли в контору государственной охотничьей инспекции. Весь день сюда поступали сообщения по радию и телефону о передвижении сайганов.

Дело в том, что у животных в это время проходил отел и, по сообщениям наблюдателей, уже родились первые телята, а огромные стада антилоп все еще не выбрали место для отела. Это было непонятно и очень беспокоило работников госохотинспекции. Все сайгаки, обитающие в Калмыкии, собрались в одно гигантское стадо и шли на север республики. За два дня они преодолели около 300 километров и остановились в самой северной части Калмыкии. Дальше им идти было некуда: впереди раскинулись распаханные поля, поселки и справа Волга.

Утром еще затемно на легковых машинах-вездеходах мы выехали из Элисты на северо-восток. Я впервые увидела полупустыню. Она простиралась во все стороны до самого горизонта и была почти ровной.

Песчаную глинистую землю покрывали кусты полыни и большие колочие шары перекати-поля. Несмотря на весну, зелени почти не было видно, молодая полынь была серебристо-серой. Лишь иногда в низинах попадались ярко-красные тюльпаны. Несколько раз мы проезжали мимо совсем ровных огромных полей без единого растения. Папа сказал, что в Калмыкии такие

участки называют сагами, а в Средней Азии — такырами. По-моему, саги очень похожи на огромные поля аэродромов.

Мы ехали весь день то по дорогам, то по самой полупустыне, а в одном месте попали прямо в пустыню. Ветер гнал песок, и от этого даль совершенно незаметно сливалась с небом.

К вечеру мы увидели сайгаков. Вокруг нас паслись их бесчисленные стада. Здесь мы и разбили лагерь. А вскоре увидели первого сайгачонка. Он, затаившись, совершенно неподвижно лежал на песке. Я взяла его на руки. Сайгачонок



был мягким и теплым. Доверчиво лежал у меня на руках, совсем не пытаясь вырваться. Я положила его на прежнее место, и мы пошли дальше. Нашли небольшой бугорок, поросший полынью, и легли за него. Сайгаки скоро успокоились: малыши начали призывно мычать, и матери группами и в одиночку стали разыскивать своих сайгачат.

В лагерь мы вернулись, когда солнце уже опустилось за темный край земли. Сквозь сон я услышала мычание сайгаков и подскуливание каких-то зверушек.

Для подсчета сайгаков к нашему лагерю прилетел самолет. Часа полтора он летал над стадами. Около 230 тысяч сайгаков собрались в этих местах.

На следующий день мы с папой возвращались в Элисту. Примерно на половине пути попали в полосу грозных ливней. Местами полупустыня была залита водой так, что из нее торчали только прошлогодние стебли трав, саги превратились в озера. Расплескивая и разбрызгивая грязь, наша машина еле ползла по бездорожью.

— Так вот почему сайгаки ушли на север, — сказал папа, — они предчувствовали эти ливни. Ведь если бы сайгачата родились здесь, они погибли бы от воды и холода.

В Элисту мы вернулись только ночью.

Путешествие мне так понравилось, что с удовольствием поехала бы снова к сайгакам.

— И все-таки не откажите в любезности, Айболит, ответить на вопрос: существуют ли вредные или просто противные животные? Предположим, вы увидели паука, запутавшегося в собственной паутине. Вы станете спасать противного паука?

— Я — доктор, Мюнхгаузен. И обязан оказать помощь любому пациенту, каким бы противным он кому-либо ни по-

казался. Что же касается паука, то прошу вас прежде выслушать рассказ Филиппа Ивановича Сидлецкого, а потом уже осуждайте бедное животное.

### Восьмиглазые охотники

Ранней весной на солнечной стороне заборов, стен, стволов деревьев, где собираются погреться продрогшие за ночь мухи, иногда удаётся подсмотреть охоту полосатого разбойника. В отличие от многих своих собратьев, поджидающих добычу возле сотканной сети, паука-скакуны предпочитают вести более подвижный образ жизни. В поисках пищи он постоянно путешествует, все время выпуская тоненькую, но прочную страховочную нить паутини.

Успешно отыскивать добычу маленькому охотнику помогают четыре пары глаз, расположенных так, что паук может кругом обозревать местность. Особенно интересны передние глаза. Они большие, подвижные и нацелены вперед, как прожекторы. С их помощью скакунчик определяет форму, цвет и расстояние, что так важно при его способе охоты. Иногда эти глаза светятся отраженным светом, и тогда животное напо-

минает необычный миниатюрный автомобильчик.

Увидев муху, пусть даже в два-три раза больше себя, скакунчик смело начинает атаку. Сначала он медленно подкрадывается к жертве. Полосатая окраска в косых лучах солнца делает хищника почти незаметным. Затем на мгновение замирает: крепит паутинку и прыгает. Как правило, скакунчик всегда застает жертву врасплох. Напрасно она пытается вырваться из волосатых объятий глазастого разбойника.



Не всегда пользуются симпатией у людей восьмиглазые охотники. Неприглядная внешность и хищнические замашки «подмочили» общую репутацию паукам. С такой характеристикой, конечно, не так-то просто устроиться в жизни.

На самом деле обижают пауков незаслуженно. Ну хищники, ну некрасивые, но живут-то они согласно правилам, отведенным им природой. А если вооружиться цифрами и фактами, то выяснится, что пауки даже очень полезны. По подсчетам специалистов, на одном гектаре луга или леса обитают десятки тысяч пауков. Они сеют смерть в мире насекомых, регулируют численность вредителей. Отдельные исследователи даже утверждают, что пауки приносят больше пользы, чем птицы и другие истребители насекомых, вместе взятые. Кто знает, возможно, со временем удастся использовать пауков для защиты растений. А такие попытки уже делались. Правда, порой пауков приходится опасаться и по возможности обходить стороной, как, например, жителя

южных областей страны — каракурта. Однако за устрашающей внешностью других пауков скрывается вполне добродушный характер. Так что этих полезных животных нужно всячески защищать.

— Как видите, Мюнхгаузен, вы сделали поспешные выводы. Надеюсь, вы проинкнетесь уважением к паукам.

— А вот какое интересное наблюдение сделал наш Почемучка Сережа. Прочтите его письмо.

Я наблюдаю за птицами. И уже второй год. Мне нравится это занятие. Я делаю для них кормушки. Синицам вешаю сало. Много интересного узнаю я из жизни птиц. Осенью я был в деревне. Как-то ночью поднялся сильный ветер и сломал дерево. А на нем висел скворечник. Я снял его, чтобы починить. Когда оторвал крышку скворечника, увидел множество крыльев колорадских жуков. Неужели скворец уничтожает их?

Сережа Калиновский

г. Минск

— Bravo! Любопытнейшее открытие! Bravo!

— Это вы, Паганель? Чему вы так радуетесь?

— Видите ли, мальчик нашел в скворечнике крылья колорадского жука. Но существует мнение, что его едят только цесарки, да и то не очень охотно.

— В таком случае внимание, Почемучки! Срочно сообщите, не наблюдал ли кто из вас в скворечниках, дуплянках крылышки, кусочки колорадского жука, когда вы чистили птичьи домики? Укажите место своей находки.

— Айболит! Мне тоже пришла в голову великодушная мысль. Что ни говорите, моя находчивость — великая вещь.

— Вам предоставляется случай доказать это.

— Почемучки! Готовьтесь к конкурсу на лучший плакат об охране животных. Условия конкурса жюри объявит особо.

— До следующей встречи на страницах Клуба Почемучек!







### Зеленая мульча

Случалось ли вам в знойное лето видеть покрытую спекшейся коркой почву под кронами яблонь, груш, слив и других садовых культур? Такая корка сильно вредит плодовым деревьям. Она мешает нормально дышать их корням, так как не пропускает воздух. Яблони, груши растут хуже, снижается урожай плодов.

Чтобы не допустить этого, под каждым деревом, в двух-трех метрах от ствола, я сажаю по три зер-

нышка тыквы. Конечно, можно вырастить и рассадку. Длинные плети с широкими листьями полностью закрывают приствольный круг. Эта своеобразная зеленая мульча отлично предохраняет почву от высыхания.

Но выигрывает только в этом. Тыквы вы с удовольствием скушаете, а семена соберете. Я, например, ими подкармливаю синиц. За добро эти милые шустренькие пичужки отплачивают добром: уничтожают во время цветения вишен и слив ядовитое количество вредных насекомых.

### Медовая приманка

Кто из садоводов не мечтает получить хороший урожай вишен и слив? А чего греха таить, нередко случается, что остаются они без него.

Вишни и сливы больше, чем другие плодовые деревья, нуждаются в кальции, который им необходим для образования косточек.

Случалось, что я вносил в почву и много этих удобрений, а плодов и ягод все равно не было.

Мешали холода во время цветения. Они не давали пчелам вылетать из ульев для сбора нектара и пыльцы, и опылять цветки было некому.

Но вот однажды в пасмурную погоду я заметил одиноко летающих по вишневым веткам шмелей. «А что, если подкормить их медком?» — мелькнула мысль. И я, недолго думая, вылил мед из двухсотграммового кувшинчика в двухлитровую банку, наполненную чуть тепленькой водичкой.

Все тщательно размешал. Затем взял ручной опрыскиватель и обрызгал из него цветочные ветки вишен и слив.

Вскоре из-за облаков выглянуло солнышко, и, к моему удивлению, налетело много шмелей, а потом одна за другой появились и пчелы.

В это лето на деревьях, которые я опрыснул медком, уродился неплохой урожай вишен и слив, а на соседних, неопрыснутых, редко висели ягоды.

С тех пор каждую весну во время цветения вишен и слив я опрыскиваю их ветки слабым раствором меда. А осенью сад меня одаривает тяжелыми корзинами налитых плодов.

### Помощники садоводов и огородников

Вы, конечно, видели в садах и огородах черного блестящего жука — жужелицу, проворно бегающую на длинных ножках. А знаете, какую пользу приносит этот жучок садоводам и огородникам? Нет. К сожалению, многие не знают об этом. И часто собирают жужелиц в банки с керосином и сжигают их, обвиняя ни в чем не повинных жучков во всех грехах. Одни считают, что они поедают молодые всходы огурцов. Другие принимают жужелицу за очень опасного вредителя — медведку и так же безжалостно уничтожают.

На самом деле жужелица весьма полезное насекомое. Она за лето уничтожает множество мелких жучков, их личинок и гусениц.

Мне жужелицы помогают бороться с огневкой крыжовника и черной смородины. Минувшим летом у меня в саду не было ни одной поврежденной этим вредителем ягоды крыжовника, и лишь в немногих ягодах черной смородины огневке удалось найти приют.

Понаблюдайте внимательно в конце июня за работой жужелиц на участке, где растут крыжовник и смородина. Вот на тонкой паутинке спускается на землю созревший в ягоде толстый зеленый червячок — гусеница огневки. Еще минута — и он скроется для окукливания под полусгнившими листьями. Но не тут-то было. Шустрая жужелица крепко сжимает его в своих жестких челюстях. Это ее любимая еда.

Чтобы как можно больше привлечь полезных насекомых, возле кустов крыжовника и смородины я раскладываю небольшие,

20—25 сантиметров высотой и 30—35 сантиметров в диаметре, кучки из полусгнивших опилок (50 процентов), перепревшего коровяка (20 процентов), смешанных с садовой землей (30 процентов).

В этих своеобразных домиках охотно гнездятся жужелицы и даже выводят свое потомство.

### Топотушки

— Беда, — сказал мне однажды знакомый садовод. — На землянику и огурцы слизни напали.

— А вы ей на помощь призовите, — советую, — Для них слизи — лакомое блюдо.

Правда, в нашем саду ежи не живут, зато в гости приходят постоянно. Чуть начнет смеркаться, и пара ежей-топотушек тут как тут. Быстро-быстро семена своими короткими ножками, на глазах у ребятишек перебегают улицу и скорей в сад. Там их ждет налитое в блюдце молоко.

Вылижут блюдце досуха — и на промысел. То скроются в кустах смородины или крыжовника, то снуют между грядками. В поисках добычи сдвигают небольшие камни, дощечки, под которыми обычно прячутся слизни.

Топотушки так привыкли к нам, что ничуть не боятся, когда я их трогаю за колючки. В сухую жаркую погоду я потчую их простой водой, но и ей они рады и стараются востро.

### Помидоры из пасынков

Представьте такой случай. Вы неделю-полторы назад высадили на постоянное место рассаду помидоров, а укрыли на ночь лишь незначительную часть.

И вдруг заморозок. Рассада пожухла, а другой нет. Как быть?

Выход из положения есть. Используйте пасынки от сохранившихся растений. Обрежьте острым ножом все лишние веточки и поместите их в стеклянные банки с водой с таким расчетом, чтобы более половины растений находилось поверх банок. Затем поставьте банки в затененное место — под густые кроны яблонь или в малинник. Уже на третий-четвертый день веточки дадут корешки, а на пятый-шестой

можно высаживать их в подготовленные лунки. Лучшее это делать после захода солнца.

Кусты помидоров, выращенные из пасынков, конечно, отстанут в развитии от тех, которые были выращены рассадой. Однако могут дать приличный урожай, если посадить их в хорошо удобренную рыхлую почву и вовремя подкормить либо раствором коровяка или птичьего помета, либо минеральными удобрениями, лучше азотистыми.

Таким способом хорошо

размножаются скороспелые сорта помидоров: «канадские сверхранние», «сибирские скороспелые», «белый налив», «молдавские ранние» и некоторые другие. Однажды большой урожай удалось получить мне даже у «гиганта обыкновенного», причем плоды его имели более красивую форму без резко выраженных ребер. Правда, большинство их созрело, уже будучи сорванными.

Г. Балдин

На фото К. Руля цветущая вишня.



## ЩУКА ПО ВОЗДУХУ

Во время войны неподалеку от колхоза, у лесной опушки упала с самолета бомба. Наверно, бомба была очень большая: там, где она взорвалась, получилась такая широкая и глубокая яма, что в ней мог бы целиком поместиться одноэтажный дом.

Теперь это не яма, а озеро со стоячей водой, с берегами, заросшими кустами ивняка. Кусты буйные, густые. Здешние ребята часто приходят сюда за прутьями на корзинки. Однажды забрался в чащу, к самой воде. Вдруг подле берега как плеснется что-то, да так звонко, будто доской по воде ударили. Из кустов взлетели две дикие утки, вспорхнули воробы.

Что бы это могло быть? Ведь никто ничего не бросал в воду. Ребята с удивлением смотрели, как, блестя на солнце, дрожали водяные круги — сперва маленькие, потом большие, еле заметные.

— Смотри-ка, рыба! — прошептал Никита.

Пригляделись, и верно: в прозрачной воде, недвижимая, лишь тихо-тихо шевелит плавниками, словно дремлет или греется на солнышке, самая настоящая щука. Даже не верилось, что тут рыба завелась. Вокруг лесочки да поляны, ни одного ручейка, а до речки километров пять, не

меньше. И вдруг щука. Откуда появилась?

Ребята постарше разные догадки строили, гадели. Порешили так: наверно, от речки подземные ходы есть, вот и приплыла щука. Не прилетела же по воздуху!

— Конечно, прилетела по воздуху! — раздался совсем рядом в кустах чей-то грубоватый голос.

Оказывается, дед Савельич поблизости резал прутья на метлы для фермы. Он видел все, что удивило ребят, слышал их разговор. Задымил трубкой, показал на небо.

— Видите, утки летят?

— Видим! — хором ответили малыши.

— Не было бы нас тут, наверняка сели бы на воду, покупались бы, отдохнули. Не раз небось прилетали!

— Правильно, прилетали. Мы сами видели!

— Вот они, утки, и развели тут рыбу. Дети ничего не поняли. Птицы — и вдруг рыбу развели.

— Когда утки в реке плавают, разве к их лапам не могут прилипнуть рыбы икринки? — спросил дед и, показав рукой в ту сторону, где текла река, сам же ответил: — Там прилипли, а тут отлипли. Вот и весь секрет.

Старшие ребята переглянулись: и загадка-то совсем простая, а вот никто не разгадал.

П. Дудочкин



Дорогие друзья! Майский сбор лекарственных растений наиболее ценен для медицинской промышленности. Заготовительные организации потребительской кооперации принимают в неограниченном количестве целебные дары природы. Сейчас идет сбор цветов ландыша майского, ромашки аптечной, первоцвета весеннего, боярышника кроваво-красного, клевера красного, липы сердцевидной и липы сердцевидной; листьев ландыша майского, ромашки аптечной, брусники, вахты трехлистной (трифоли); травы адониса весеннего (горицвета), фиалки трехцветной. Следует учесть, что в каждом районе имеется некоторое отличие в ассортименте собираемых лекарственных растений. Поэтому руководителям школ и внешкольных организаций, комсомольцам и пионерам следует связаться с заготовительными организациями потребительской кооперации в своем районе и уточнить, какие растения и в какие сроки необходимо собирать, одновременно там же получите квалифицированную консультацию по технике сбора, сушке, транспортировке лекарственных растений; ведь часто сохранность их целебных свойств зависит именно от соблюдения всех этих правил.

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА



Рис. В. Прокофьева

## САМООТВЕР- ЖЕННОСТЬ

Это случилось летом 1942 года. После упорных боев противник был остановлен, и линия фронта на время стабилизировалась. Наша дивизия отошла в тыл для перестроения. Штаб одного из полков разместился в клубе деревни Осиновка. Рядом росла большая липа, на вершине которой аисты свили гнездо. Любопытный ординарец успел слазить на дерево и выяснить, что там два слегка оперившихся птенца.

Аистов совершенно не пугало обилие народа и техники. Длинноногие птицы стали всеобщими любимцами.

Вскоре о дислокации дивизии проинформировала вражеская авиация и подвергла нас бомбардировке. На Осиновку сбросили две зажигательные бомбы. От одной из них загорелось помещение штаба полка. Пока достали багры, ведра, воду, крыша уже сгорела. Небольшим ветром дым и огонь временами наносило на старую липу, однако аисты ни на минуту не покидали птенцов, не умеющих летать, прикрывали их своим телом. Сначала это делали оба родителя одновременно, мешая друг другу. Затем отец догадался подняться в воздух и стал кружить над пожарищем, а его подруга еще глубже втиснулась в гнездо.

Солдаты, тушившие пожар, несколько раз поливали водой и гнездо с аистами. Мамаши, сознавая пользу от такой ванны, даже не попытались от нее уклониться. Намокшее гнездо не воспламенялось и надежно защищало малюток снизу. Сверху же их прикрывала мать. Вскоре пожар погасил, и аист-самец немедленно вернулся в гнездо.

Наутро все тот же неутомимый ординарец осмотрел гнездо и доложил, что там все живы и здоровы. Малыши не пострадали совершенно. У самца часть перьев опалена. Больше всех досталось мамаше: из белой она от копоти превратилась в светло-коричневую, кончики перьев на спине даже обуглились. Легко догадаться, какие физические муки она перенесла, какой страх пережила. И все-таки детей не бросила, спасла их!

К. Савич

*Записки  
натуральщика*

## ЛИСА- РАЗВЕДЧИЦА

За несколько дней до начала знаменитой операции «Багратион» наши разведчики взяли «языка», и командованию 186-й стрелковой дивизии стало известно, что в сорока километрах от переднего края немцы организовали прифронтовой полигон, на котором проводятся боевые учения в труднопроходимых условиях.

Через несколько часов группа лейтенанта Румянцева стояла перед начальником разведки дивизии.

— Награды и документы сдать! Получить ИЗ, халаты. Задача — обнаружить вражеский полигон и координаты нанести на карту.

Хмурое небо с вечера моросило дождем. Порой он переходил в ливень. Такая погода разведчикам на руку.

Сонная речушка Друть и изрытая снарядами нейтральная зона остались позади. Почти под самым носом у немцев группа перешла линию фронта и углубилась в тыл. На смену дождю явились комары и мошкара. Их тьма-тьмущая, они буквально одолевают. Ноги вязнут в зыбкой почве. Она, как живая, так и дышит. Вперед идет лейтенант Румянцев. Ему не пришлось отдохнуть. Прошлую ночь он возглавлял группу захвата «языка», а тут...

— Попробуй разыщи это «заведение» в такой глуши да еще в потемках, — рассуждал он, изредка заглядывая в карту, освещенную электрическим фонариком.

Ночная тьма редела. Чтобы отогнать назойливую дремоту, разведчики умылись свежей росой. По солдатскому обычаю перекурили.

Предрассветную тишину нарушила фырканье лошадей. Все насторожились, вышли к просеке. Возле завязшей в грязи подводы паслись две лошади. На обочине дороги у костра дремал офицер. Двое других гитлеровцев подбрасывали в костер сухой хворост и о чем-то разговаривали.

«Подвода с военным снаряжением явно направляется на полигон. Значит, мы находимся недалеко от цели», — подумал лейтенант Румянцев.

В таких случаях разведчику помогает профессиональная интуиция. Вот и на этот раз она не подвела опытного командира.

Вдруг один из солдат заметил, как к подводе подкрадывается крупная лисица.

— Товарищ лейтенант. Смотрите...

Рыжая плутовка встала на задние лапы, вытащила из-под брезента, которым была укрыта подвода, какой-то узелок и, озираясь по сторонам, направилась в заросли, где находились разведчики. Увидев

их, она тоненько взвизгнула, бросила добычу и скрылась в лесной чаще.

— Только этого и не хватало, — проворчал лейтенант и велел посмотреть, что в узелке.

— Вот это да! Офицерская планшетка, полпурицы и хлеб с маслом. Не дура лиса... — восторженно шептал сержант Ефремов.

Потом он вытащил из планшетки бумаги и подал их Румянцеву. Тот осторожно развернул кальку и хлопнул по плечу сержанта.

— Это то, что нам нужно! Схема полигона и зашифрованные списки личного состава... Вот спасибо лисе. Да за такие документы ее бы петухом вознаграждать, а мы?

— Товарищ лейтенант, давайте оставим ее добычу вот здесь, под кустом. Может, придет? — забеспокоился Ефремов.

— Наверяд ли. Положи на всякий случай, — согласился лейтенант и командовал двигаться параллельно просеке к предполагаемому месту расположения полигона.

На другой день разведгруппа вернулась в часть.

— Товарищ подполковник! Задание выполнено. А вот эти документы добыла лиса, — доложил лейтенант и подал трофейную планшетку.

— Какая лиса? — удивился начальник разведки.

— Обыкновенная, рыжая, — развел руками лейтенант Румянцев и объяснил все, как было.

А через час девятка Илов, которых немцы называли «черной смертью», уже летела кромсать полигон.

П. Стронгелв

## СИЛЬВА

Ночью в город пришли фашисты. Сильва слышала, как громыхали танки по мостовой, тяжело топала пехота, доносились незнакомая резкая речь — слова команды, выкрики. Хозяева тоже не спали и, прижав к окнам, из-за занавесок смотрели, как двигалась мимо их дома ненавистная враждебная сила. Свет не зажигали, разговаривали вполголоса. Притихла, предчувствуя недоброе, и Сильва.

На рассвете удары в дверь, потрясшие весь дом, разбудили забывшихся недолгим тревожным сном. Сильва вскочила и задала. Хозяева метнулись в прихожую. Дверь открылась, вошли двое — чужие, враги. Сильва сразу почувствовала это.

— О, дер хунд (собака), — сказал первый в каске и с черным пауком на рукаве,



устремив на Сильву пронизывающий взгляд недобрых глаз. — Зер гут, зер гут!

Сильва и вправду была красавица. Шерсть волнистая, мягкая, рыже-красная, уши тоже мягкие, длинные, хвост «пером», а глаза умные-умные, со слезинкой. Умные и преданные, когда смотрит на тебя, будто все сказать что-то хочет.

— Зер гут, — повторил еще раз гестаповец. Он, видимо, понимал толк в соба-

ках, потому что, оглядев Сильву, без лишних слов принялся накручивать ей на шею веревку, которую ему подал второй, молча зыркавший глазами по сторонам.

В эту минуту завозился ребенок в своей кровати, громкие голоса незваных гостей разбудили малыша, хозяйка бросилась к нему. Это избавило ее от тяжелого расставания с Сильвой.

А через три дня пришли за хозяевами. Хозяин был инженер, работал на заводе, его знали. Пришельцы хотели заставить его работать на них, на фашистскую Германию, он отказался. За это его арестовали и вместе с женой и ребенком увезли в концлагерь, где томилось уже много других, таких же, как они, невинных людей.

Морили голодом. Раз в день дадут похлебку какой-то мутной жижи, и ладно. А случалось, и не давали ее.

Взрослые сильные люди не выдерживали и умирали. А каково маленькому ребенку?

С ужасом мать видела, как день ото дня увядает и слабнет сынишка. Помогите же, помогите, люди! Кто поможет?

Однажды среди ночи она проснулась — кто-то осторожно толкал ее в бок. Затем она ощутила горячее дыхание на своем лице, что-то теплое и влажное коснулось щеки. Тихое радостное повизгивание окончательно убедило ее: Сильва!

Да, это была Сильва. На шею у нее болтался обрывок веревки. Сильва перегрызла привязь и прибежала к дорогим ей людям.

Вероятно, она побывала дома и, убедившись, что квартира заперта и пуста, хозяев нет, кинулась их искать. Необыкновенный инстинкт привел ее сюда.

И она пришла не пустой — вот уж действительно, чудо! — принесла кость и положила около хозяйки. Кость была большая, мозговая, с кусочками мяса. Осталось лишь гадать, где собака сумела добыть ее. Стянула на чей-то кухне? Нашла? Немецкие солдаты выбросили, а она подобрала? Но почему не съела? Запавшие бока собаки свидетельствовали, что ей тоже жилось несладко и лишний кусок не помешал бы.

Под утро Сильва исчезла. Видимо, она торопилась уйти, пока не рассвело. Увидят часовые — застрелят. Под покровом темноты она прорыла лапами под колючей проволокой незаметный среди травы подкоп — лаз, по нему пришла, по нему и ушла.

Но на следующую ночь она явилась опять. И снова с подарком. На сей раз это была крупная мороженая картофелевка. Вероятно, Сильва отыскала или выкопала ее



на картофельном поле. Сильва подкармливала своих хозяев!

Так она приходила и уходила несколько раз. И всякий раз что-нибудь приносила: то мороженую картошку, то морковку, то черствую заплесневелую корку.

Ребенок начал поправляться. Сильва спасла его.

А потом она ушла и больше уже не вернулась.

## КАК КОШКИ ЛЕТЧИКА СПАСЛИ

Советский летчик-истребитель в воздушном бою был сбит врагами. Самолет его загорелся, сам он был ранен.

Летчику удалось выбраться на парашюте. Но приземлился он на территории, захваченной фашистами.

Что делать? Идти не может — нога прострелена, потерял много крови. А время позднее — осень, надвигался вечер, начал накрапывать дождь. Сыро, холодно.

Раскрыл планшетку, сверился с картой. По карте выходило, что недалеко должно быть село. Пополз туда. Только бы добраться, а там свои, советские люди, — помогут.



Полз да полз, превозмогая слабость и боль, порой останавливаясь, чтоб набраться сил. Наконец вроде дополз. Кое-как выбрался из кустарника на пригорок, глянул — а села-то нет.

Сожгли село захватчики. Только печи да трубы стоят. Страшная картина — мертвое село. Груды кирпича, обгорелых бревен, черепков и трубы, трубы, закопченные

трубы да мрачные остовы печей, как безмолвные памятники вражеской злобы и бесчеловечности, будто живые покойники.

А дождь сильнее. И темнеет. Нога болит. За селом, или, вернее, за тем, что от него осталось, на возгорышке, летчик увидел старую ветряную мельницу. Только она и уцелела. Пополз к ней. Все-таки крыша, можно укрыться от дождя, отлежаться.

Добрался. Кое-как, из последних-последних сил, подтягиваясь на руках, вполз по ветхим поскрипывающим ступеням, а что было дальше, не помнит. Помнит, что рукой толкнул дверь, перевалился через выщербленный порожек — и все, мрак.

«Только, — после рассказывал летчик, — как начал приходить в себя, открыл глаза, вижу — темно, а в темноте какие-то зеленые точки передвигаются... много зеленых точек!»

Сперва подумал, что это от слабости. Знаете, когда ударишься головой, так искры из глаз сыплются и зеленые круги в глазах пойдут... вроде этого. А потом пригляделся — оказывается, кошки! У кошек в темноте глаза светятся. Много кошек!

Словом, — продолжал дальше летчик, — попал я в самую настоящую кошачью команду. У них даже и вожак свой был — черный кот Васька. Ну, Васькой я его прозвал. Может, он совсем и не Васька был, а Тришка или Потап».

Так прошло два дня и две ночи.

В течение этих двух суток сознание то оставляло летчика, то возвращалось к нему. Отлежался немного, вернулась память — стал обдумывать, что делать дальше. Идти не мог, но и лежать так без движения — сколько можно? Умрешь с голоду. Мышами, как кошки, он питаться не мог. Да мышей уже, наверное, и не осталось. И рана болит. Требовалась перевязка, может быть, операция.

Заканчивались вторые сутки, когда до него донеслись человеческие голоса. Летчик встрепенулся. Наверное, возвращаются жители села, колхозники. Он уже готов был, распахнув дверь, крикнуть: «Эй, кто там? Помогите!» Но тут словно кто-то остановил его. И хорошо сделал. Когда голоса приблизились, стали громче, он понял: идут немцы.

Затаившись, в щель между досками он наблюдал за ними.

Это был отряд карателей. Они ходили, искали партизан, не нашли и теперь возвращались обратно. Впереди шагала толстая бравый фельдфебель. Спускались сумерки, опять накрапывал дождь, и немцы искали место для ночевки. Увидели мельницу — повернули к ней. Летчик смотрел не дыша.

Продолжая топтать — как будто ногами гвозди вколачивал, — фельдфебель ступил на лесенку, ступени жалобно заскрипели под его тяжестью: одна, другая... Кулаком он ударил по двери, дверь распахнулась, шагнул через порог в черное пахнущее старым помолом и кошками нутро мельницы... и вдруг дикий кошачий вопль ударил в лицо, просверлил уши, заставил попятиться.

Кошки взвыли все разом, как по команде, на разные голоса. Одной было достаточно, чтобы испугать до смерти, а тут целая сотня!.. И это было еще не все. В то же мгновение сверху свалился на немца черный дьявол — Васька или Тришка. Как всегда, он сидел под стрехой, наспуленный и злой, поводя зелеными глазами, и, едва усатая толстая физиономия просунулась в дверь, спрыгнул прямо на голову немцу, раздирая когтями лицо.

Не ожидавший нападения немец охнул, отшатнулся и, потеряв равновесие, кубарем скатился по лестнице к ногам опешивших солдат.

Вот так и спасли кошки летчика.

А наутро пришли наши, советские партизаны.

Летчик еще издали слышал родную речь. Свои! Родимые! Вот теперь таиться больше не имело смысла. Они услышали его крик, повернули к мельнице.

Сделали носилки, уложили на них летчика. А когда собрались уходить, он попросил:

— Братцы, может, есть хоть кусочек сальца? Оставьте кошкам-то...

Б. Рябинин

## КЕДРЫ В ДОЛИНЕ

Несколько лет оставалась загадкой находка кольского лесничего Ивана Федоровича Назарова. Однажды он обнаружил на 314-м километре от Мурманска у Богатырь-горы кедровую рошу. Зная, что кедр в Заполярье не растут, он вначале и глазам не поверил: экое диво! Да еще так высоко в скалах обосновались они, меж валунов огромных. Больше сотни четырехметровых кедров насчитал лесник. Попав в Мурманск, рассказал о кедровой роше друзьям-журналистам. А недавно получил письмо от колхозника артели имени 40-летия Октября Воронежской области С. М. Зеленина. Вот что тот писал.

В 1944 году на Богатырь-горе разыгралось ожесточенное сражение между фашистскими егерями, равшимися в Мурманск,

и бойцами бывшей 10-й гвардейской дивизии, в которой служил Зеленин. 22 апреля, в 74-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, боец Петров, лесничий из Минусинска, предложил товарищам высадить в каменистую землю по кедровому ореху: «Посылка из дому пришла...»

Закапывая орех, каждый воин говорил, в честь чего он это делает. Белорус И. Питчук посадил кедр, чтобы быстрее дойти до Берлина. Грузин Г. Колонадзе — в честь любимой девушки. Бывший лесник Петров сказал, что свои два кедр он сажает для В. И. Ленина, к Мавзолею которого он после войны перенесет деревца. Петров не смог этого сделать — погиб на горе Богатырь в тот же день. А кедр, могучие сибирские кедр всем на удивление прижились, вымахали на суровой заполярной земле в богатырский рост.

Недавно сюда приехали пионеры. Они осмотрели необыкновенную рошу, окопы, не зарубцевавшиеся с 1944 года. Ребята решили несколько кедров перевезти в Мурманск и посадить у памятника комсомольцам-героям 6-й батареи, сражавшимся у Богатырь-горы.

...Они стоят там, где проходила линия фронта. Высаженные солдатами, кедр сейчас очень похожи на них, крепких молодых парней, грудью своей защитивших страну от врага.

В. Засухин



## КУКУШКИНЫ ЗАБОТЫ

(Окончание. Начало см. на стр. 24).

ветке, повернувшись головой к кукушке, а хвостом к собственному гнезду, но теперь не издавали ни звука. И произошло это, вероятно, оттого, что защитное поведение дневных птиц меняется в зависимости от времени суток: они активно защищают свое гнездо днем, а ночью в случае опасности молча скрываются. В этот вечерний час на наших глазах происходила постепенная перестройка «дневного» поведения чеканов на «ночное». Вместо воинственных криков и смелого преследования врага чеканы лишь издавали отрывистые крики тревоги, а потом и совсем затихли.

Кукушка стала передвигаться быстрее. Вот она проползает мимо кустика, на котором сидят чеканы, те меняют положение и поворачиваются к ней головой. Кукушка у самого гнезда. Чеканы опять меняют положение и так же безмолвно смотрят на нее. 8 часов 40 минут. Кукушка энергичными движениями раздвигает пучки травы, маскирующие гнездо. Она прижимается к земле, прикрывая собой маленькое гнездо

чекана. Замирает неподвижно, ровно на четыре секунды. Затем кукушка стремительно улетает в лес. Последнее, что нам удалось заметить, это яйцо чекана, которое она несла в клюве.

А в маленьком гнездышке, укрывшемся под лохматым пучком травы, лежит одно яйцо чекана и одно совсем теплое — кукушки. Такое же голубое, оно заметно превосходит по размерам яйцо хозяев гнезда.

Итак, нам удалось увидеть и описать кукушку, подкладывающую яйцо в гнездо чекана лугового. Но если бы это была какая-нибудь другая птица, которая гнездилась бы не на земле, а на дереве, то и кукушка вела бы себя иначе, потому что она обладает поразительной способностью приспосабливаться к самым разнообразным условиям.

А что касается пары чеканов, то они бросили гнездо, несмотря на большое сходство окраски яиц: птицы умеют правильно расценивать события, которые разыгрываются на их глазах. Не исключено, что чеканы не оставили бы гнезда, если бы кукушке удалось подложить яйцо в их отсутствие.

**Е. Дерим-Оглу,**  
доктор биологических наук

### В ЭТОМ НОМЕРЕ:

<b>А. Виноградов.</b> Юбилей Великой Победы . . . . .	1
Колосок . . . . .	4
<b>А. Кожин.</b> Белая Вежа . . . . .	10
Лесная газета . . . . .	16

<b>Л. Сандерова.</b> Песни лазоревой степи . . . . .	22
<b>Е. Дерим-Оглу.</b> Кукушкины заботы . . . . .	24
<b>Б. Федоров.</b> Обезьяны едут в экспедицию . . . . .	33
<b>В. Барков.</b> Живой дом . . . . .	37
Клуб Почемучек . . . . .	40
Во саду ли... в огороде... . . . . .	46
Записки натуралиста . . . . .	51

### НАША ОБЛОЖКА: МАНИ.

В журнале использованы фото из журнала «Дас Тир».

НАШ АДРЕС:

ТЕЛ 251-15-00  
год 4-80

МОСКВА, ГСП-4

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Редколлегия: Виноградов А. А., Корчагина В. А., Кдумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В., Ярлыкалов А. Б.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин  
Технический редактор Т. А. Кулагина

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 27/II 1975 г. Подписано к печати 31/III 1975 г. А08089. Формат 70×100/16. Печ. л. 3,5 (вкл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 325. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, ГСП-4, Суцеская, 21.

## ПОБЕДА

Сегодня Девятое мая!  
Сегодня победа у нас!  
Алеют знамена парада,  
Шагает рабочий класс.  
Уж скоро парад начинается,  
Мой папа пошел на парад.  
В войну он сражался храбро,  
И этому я очень рад.  
Много людей на параде,  
С цветами, с знаменами все.  
И бывшие воины рады,  
Что встретились снова в Москве!

Ирина Шестакова

Москва



## РАДУГА ВЕСНЫ

Встает рассвет, и солнце просится  
В зеленый домик тишины.  
Ах, до чего сегодня хочется  
Бежать по россыпям весны!  
А май не ждет, кружится с вишнями,  
Но искупается в цветах,  
В последний раз махнет мне листьями

И улетит на облаках.  
В последний раз росой умоется  
У ног заплаканной луны.  
Ах, до чего сегодня хочется  
Бежать за радугой весны!

Анатолий Карман

Сумская область





Индекс 71121  
Цена 20 коп.

